

Стихи для мертвецов

Автор:

Линкольн Престон

Стихи для мертвецов

Линкольн Чайлд

Дуглас Престон

Звезды мирового детектива Пендергаст #18

Специальный агент Алоизий Пендергаст вынужден согласиться с требованиями нового руководства нью-йоркского отделения ФБР: теперь он, знаменитый агент-одиночка, должен работать с напарником. Пендергаст и его новый помощник Колдмун направляются в Майами-Бич, где происходит череда немыслимых убийств. Почерк преступника ошеломляет: он вырезает сердца у своих жертв и оставляет их вместе с загадочными письмами на могилах женщин, совершивших самоубийство десять лет назад. Существует ли связь между всеми этими смертями? Что движет кровожадным психопатом? Пытаясь ответить на эти вопросы, Пендергаст и Колдмун даже не подозревают, какие невероятные обстоятельства вскоре откроются в ходе расследования, полностью меняя всю картину преступления и заставляя содрогнуться даже опытных следователей...

Впервые на русском!

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Стихи для мертвецов

Douglas Preston

Lincoln Child

Verses for the Dead

© 2018 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child

© Г. А. Крылов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Виктории

Дуглас Престон посвящает эту книгу Гусси и Джо Станислау

1

Изабелла Герреро, известная своим друзьям и одноклубникам по игре в бридж как Айрис, осторожно прокладывала себе путь через поросшее пальмами кладбище Бейсайд. Над ее головой раскинулось бескрайнее небо цвета бледной лазури. Часы показывали половину восьмого, температура воздуха поднялась до двадцати пяти градусов, и роса, которая все еще держалась на широколистной августиновой траве, насквозь пропитала кожаные сандалии Айрис. В пухлой руке женщина держала сумку от «Фенди», а в другой сжимала поводок, слабо натянутый ее пекинесом Твинклом. Айрис опасливо пробиралась между

надгробиями и клумбами: всего три недели назад Грейс Манизетти, нагруженная продуктами, потеряла равновесие, возвращаясь из местного супермаркета «Пабликс», и сломала тазовую кость.

Кладбище открылось полчаса назад, и, кроме Айрис, здесь почти никого не было. Ей это нравилось, ведь Майами-Бич с каждым годом становился все более многолюдным. Даже здесь, в Бал-Харбор, на северной оконечности острова, движение на дорогах было более оживленным, чем в перенаселенном Нью-Йорке времен ее детства, проведенного на бульваре Куинс. А когда несколько лет назад построили этот жуткий молл на Девяносто шестой улице, стало еще хуже. Помимо прочего, с юга начали проникать нежелательные элементы с их магазинами шаговой доступности и *casa* здесь, *tienda*[1 - Дом, лавочка (исп.).] там. Слава богу, Фрэнсису хватило ума купить кондоминиум на Гранд-Палмс-Атлантик, прямо на берегу Сёрфсайда и в безопасном от посягательств месте.

«Фрэнсис...» Айрис уже видела впереди его могилу, надгробие, слегка выбеленное флоридским солнцем, на чистом и аккуратном участке – она позаботилась об этом. Твинкл, знающий, что место их назначения уже неподалеку, прекратил дергать поводок.

Ей было за что благодарить Фрэнсиса. За три года, прошедшие с того дня, как он покинул ее, она лишь острее стала понимать, насколько благодарна ему. Именно Фрэнсису хватило ума перевести мясницкий бизнес его отца из Нью-Йорка на побережье Флориды в те времена, когда земля в этой части Коллинз-авеню все еще была невостребованная и недорогая. Именно Фрэнсис аккуратно выстраивал бизнес в течение многих лет, учил Айрис пользоваться весами и кассовым аппаратом, учил определять названия и качества различных сортов вырезки. Именно Фрэнсису хватило чутья продать бизнес в правильное время – в 2007 году, после чего цена на собственность пошла вниз. Огромная прибыль, полученная ими, не только позволила купить кондоминиум на Гранд-Палмс (по минимально возможной цене год спустя), но и обеспечила им безбедную жизнь на протяжении долгих лет. Кто же мог знать, что Фрэнсис так скоро умрет от рака поджелудочной железы?

Айрис подошла к могиле и остановилась на минуту, чтобы оглядеть кладбище и насладиться окружающим видом. Несмотря на толпы народа и интенсивное уличное движение, зрелище все еще оставалось умиротворяющим: шоссе Кейн-Конкорс дыбилось мостом над Харбор-Айленд в направлении материка, белые треугольники парусов тут и там пятнали залив Бискейн. И повсюду царили

теплые пастельные тона. Кладбище являло собой оазис спокойствия, в особенности ранним утром, когда даже в марте – в пик туристического сезона – Айрис была уверена, что сможет провести в раздумьях некоторое время у могилы покойного мужа.

Маленькая ваза с искусственными цветами, поставленная у надгробия, немного покосилась, наверняка после бушевавшего здесь позавчера тропического шторма. Хотя у Айрис ныли колени, она опустилась на них возле могилы, поправила вазу, вытащила из сумочки носовой платок, отерла цветы и начала приводить их в порядок. Она почувствовала, как Твинкл снова натягивает поводок, еще сильнее, чем прежде.

– Твинкл! – проворчала она. – Нельзя!

Фрэнсис ненавидел кличку Твинкл – сокращение от Твинкл Туз[2 - Английскую кличку Twinkle Toes можно перевести как Шустрые Ножки или Торопыжка.] – и всегда называл собачонку Тайлером, по названию улицы, на которой вырос. Но Айрис предпочитала Твинкл, и теперь, когда Фрэнсис ушел, ей почему-то казалось, что он бы не стал возражать.

Она вдавила вазу в землю, закрепляя ее, пригладила траву вокруг и откинулась назад, чтобы восхититься своей работой. Краем глаза она заметила какое-то движение, – наверное, это смотритель, а может, другой скорбящий пришел поплакать над могилой родственника. Время уже приближалось к восьми, и, в конце концов, кладбище Бейсайд было единственным на острове; вряд ли Айрис могла рассчитывать, что оно будет принадлежать ей одной. Она прочтет молитву, ту самую, которую они с Фрэнсисом всегда читали вместе, прежде чем отойти ко сну, а потом отправится назад на Гранд-Палмс. В десять состоится заседание совета кондоминиума, и у нее найдется несколько слов о состоянии зеленых насаждений около въездной дорожки.

Твинкл продолжал настойчиво дергать поводок, а теперь еще и затыкал. Айрис снова прикрикнула на пекинеса. Это было на него не похоже, обычно он вел себя хорошо. Правда, случалось, что котяра породы русская голубая из квартиры 7В выводил его из себя. Пока Айрис поднималась на ноги, повторяя про себя слова молитвы, Твинкл улучил момент, сорвал поводок с запястья хозяйки и понесся по мокрой траве, волоча за собой поводок и заливаясь лаем.

– Твинкл! – громко позвала его Айрис. – Немедленно вернись!

Собачонка резко остановилась у надгробия в соседнем ряду. Даже на расстоянии Айрис видела, что камень там старше, чем на могиле Фрэнсиса, но ненамного. У основания были разбросаны свежие цветы и валялась какая-то записка. Но не это привлекло внимание Айрис: цветы и записки, а также самые разные памятные вещицы лежали чуть ли не на половине могил в Бейсайде. Нет, ее озадачило поведение Твинкла. Он явно нашел что-то у основания надгробия и поднял из-за этого шум. Айрис не могла разглядеть, что он там обнаружил, но песик присел над своей находкой, принюхивался, лизал ее.

– Твинкл!

Это было совершенно неприемлемо. Меньше всего Айрис хотела устраивать сцену в месте упокоения. Что он там нашел – старую собачью игрушку? Кусочек конфеты, выпавшей из руки проходившего здесь ребенка?

Ладно, молитве придется подождать, а сейчас надо побыстрее схватить поводок.

Спрятав носовой платок в сумку, Айрис направилась к Твинклу. Но не успела она приблизиться, бранясь и фуфукая, как собачка схватила зубами свою находку и понеслась прочь. Айрис, смущенная и негодующая, увидела, что ее пекинес исчез в рощице капустных пальм.

Она раздраженно вздохнула. Фрэнсис не одобрил бы этого, он всегда считал, что собаки должны быть послушными. «Глупый маленький барбос» – так бы он сказал. Ну хорошо, сегодня она поучит Твинкла уму-разуму: никакого сладкого печенья вдобавок к его обычному корму.

Бормоча себе под нос недовольные слова, Айрис пошла в ту сторону, где исчез пекинес, и остановилась возле деревьев. Огляделась вокруг, но Твинкла нигде не было видно. Она открыла было рот, чтобы позвать его, но передумала – все-таки это кладбище. Беготня за собакой, сорвавшейся с поводка, здесь выглядит неприлично. Кроме того, движение, которое она заметила ранее, теперь обрело материальные очертания. У могилы слева от нее стояли полукругом трое: две девочки и мужчина средних лет. Устраивать при них сцену – нет уж, увольте.

И в этот момент Айрис увидела скачущий пушистый комок – это был Твинкл. Он находился ярдах в двадцати от нее, там, где территория кладбища спускалась к воде, и неистово раскапывал клумбу амариллисов. Земля разлеталась во все стороны.

Это было хуже некуда. Прижимая к себе сумку, Айрис со всех ног поспешила к собаке. Пса настолько поглотили раскопки, что он даже не заметил хозяйку. Она подошла сзади, схватила поводок и дернула. Твинкл, удивленный, сделал полупрыжок через голову, но, хотя она и потащила его прочь, отказался разжать зубы и выпустить свою находку.

– Плохая собака! – громко, насколько могла себе позволить, выговаривала ему Айрис. – Плохая собака!

Она попыталась вытащить находку из его зубов, однако пес отвернул голову. Штука эта была размером с детский мячик, но настолько плотно покрыта землей и собачьей слюной, что Айрис не могла определить, с чем же играет Твинкл.

– Брось, ты меня слышишь?

Твинкл зарычал, когда Айрис снова протянула руку к его пасти, но на сей раз она сумела ухватить его добычу за край. Она знала, что пес ее не укусит, нужно просто вытащить эту штуку из его пасти. Но собачья находка оказалась отвратительно скользкой, и он цепко сжимал ее челюстями. Началось противостояние: Айрис тащила собаку к себе, Твинкл сопротивлялся, упирался лапами в траву. Она кинула взгляд через плечо, однако группа у другой могилы ничего не замечала.

Отвратительное состязание в силе продолжалось почти тридцать секунд, но в конечном счете находка оказалась слишком велика для маленьких челюстей собаки, и Айрис удалось вырвать ее из собачьей пасти. Она выпрямилась, убедившись сначала, что ремешок сумки и поводок надежно намотаны на запястье, и тут поняла, что собачья находка представляет собой кусок мяса. Пока она пыталась отнять его у собаки, изнутри выдавился красноватый сок, оставивший след на ее руке и испачкавший морду Твинкла. Она сразу же увидела, какой это необычный кусок мяса – плотный, кожистый. Почувствовав отвращение, она уже хотела бросить его, но ведь Твинкл сразу же схватил бы его снова.

Пес тявкал и подпрыгивал, требуя вернуть ему добычу. Айрис вытащила из сумочки носовой платок и начала оттирать находку пса. Как кусок мяса мог оказаться на могиле?

Она очистила одну сторону и увидела короткую алую трубку, похожую на шланг радиатора. Женщина застыла от ужаса. Она достаточно долго пробыла замужем за мясником, чтобы определить совершенно точно, что за предмет она держит в руках. Это был какой-то сон, кошмарный сон, такое просто невозможно.

Ощущение нереальности длилось доли секунды. Завизжав от ужаса, Айрис уронила находку, словно та обожгла ее. Пес мгновенно ухватил ее своими челюстями, перепачканными кровью, и снова вырвался на свободу с видом победителя, волоча за собой поводок. Но Айрис даже не заметила этого. У нее в ушах раздался странный рев, и внезапно ее захлестнуло горячей волной. Перед глазами заплескали черные точки. Рев становился все громче, и последнее, что она увидела, прежде чем без сознания упасть на землю, была бегущая к ней от другой могилы группа людей.

2

Ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, облаченный лишь в обернутое вокруг талии влажное полотенце, расслаблялся в сауне со стенками, обитыми кедровой доской. Сауна была большая, с двумя рядами скамеек, и почти пустая: кроме Пикетта, здесь находился только один человек, молодой и высокий, с мощной грудью пловца, сидевший в дальнем конце, возле двери. Сам Пикетт выбрал место рядом с ковшом с водой, которая позволяла поддерживать в сауне нужную влажность и температуру. Пикетт предпочитал управлять ситуацией в любом месте, где бы он ни оказался.

На скамье рядом с ним, защищенный прозрачным пластиковым файликом, лежал лист бумаги.

Пикетт посмотрел на висящий на стене термометр, покрытый каплями воды, отчасти ухудшавшими видимость: стрелка остановилась на приятных семидесяти четырех градусах.

Сауна соседствовала с раздевалкой и душевым блоком, расположенными в глубине здания Федеральной вспомогательной поддержки на Уорт-стрит. Во «Вспомогательной поддержке» имелись не только самые разнообразные сопутствующие кабинеты, но также стрелковый тир и такие достижения цивилизации, как сквош-корт, бассейн и, разумеется, сауна – и все это за углом от его офиса на Федерал-плаза, 26. Это, конечно, был большой шаг вперед по сравнению со спартанским офисом ФБР в Денвере, где Пикетт служил в качестве специального агента, возглавляющего отдел, и откуда его перевели три месяца назад.

После окончания академии Пикетт быстро рос, сделал себе имя в отделах контршпионажа и противодействия незаконному предпринимательству, а также в отделе внутренних расследований. Но его постоянно манила другая должность: глава нью-йоркского отделения, одна из по-настоящему ведущих позиций в Бюро и логическая ступенька в Вашингтон. Все теперь зависело от того, как он будет руководить отделением и какие очки заработает на громких делах... и Пикетт не сомневался, что и то и другое у него получится.

Он откинулся назад к стене, прижавшись голыми плечами к горячему дереву. Он чувствовал, как его поры открываются во влажной жаре. Приятное ощущение. Пикетт прикрыл глаза и погрузился в раздумья. Он ни секунды не сомневался в своих способностях, к тому же он старательно избегал тех вещей, которые на его глазах повергали в прах многих других талантливых агентов, – его нельзя было назвать ни хвастуном, ни обычным карьеристом, ни солдафоном. Одним из самых важных для него постов была должность в отделе допроса особо ценных задержанных, где он провел после академии несколько лет, сформировавших его. Благодаря этому и службе в отделе внутренних расследований он достиг такой степени психологического прозрения, какую редко встретишь среди руководителей Бюро. С тех пор он эффективно использовал полученные им знания о человеческом поведении и природе убеждения.

Заняв пост в нью-йоркском отделении, Пикетт обнаружил, что в нем царит разброд. Дисциплина упала, норма раскрываемости опустилась ниже средней. В отделении преобладали работники, протиравшие штаны в кабинетах. Последнюю проблему Пикетт решил посредством ряда переводов и ранних отставок. По природе он не был микроменеджером, но он не пожалел времени на то, чтобы вникнуть в работу всех секций отделения, найти там наиболее перспективных сотрудников и доверить им позиции с большей ответственностью, даже в обход их коллег с бо?льшим стажем работы.

Превращение офиса в настоящую меритократию позволило решить проблемы с дисциплиной. Несмотря на его прежнюю службу в отделе внутренних расследований (как и все сотрудники правоохранительных органов, агенты ФБР не доверяли людям, которые занимались внутренней безопасностью), Пикетт завоевал авторитет и преданность среди подчиненных. Его трудами нью-йоркское отделение превратилось в работающую, хорошо смазанную машину. Даже раскрываемость стала расти сама собой. Пикетту удалось всего за один сезон переломить тенденции. Он хорошо проделал свою работу, но тщательно скрывал малейшее довольство собой.

Несмотря на все успехи, оставалась еще одна проблема, с которой предстояло разобраться: нелегкий кадровый вопрос, унаследованный им от предшественника. Пикетт оставил эту проблему напоследок.

За годы службы ему не раз приходилось иметь дело с трудными агентами. Из своего опыта он знал: это либо несоциализированные одиночки, либо обиженные, пришедшие в Бюро с большим личным багажом. Если такие люди становились мертвым грузом и мешали работе, он не колеблясь переводил их куда подальше: в конце-то концов, в Небраске ведь тоже требуются агенты. Если же они имели хорошие задатки или впечатляющий послужной список, то функции Пикетта сводились к исправительному воздействию. Он выдавливал таких ребят из их комфортной зоны, окунал в неожиданную для них среду, давал им совершенно новые задания. Убеждал, что им открыты все дороги. Такая методика показала себя эффективной при воспитательных беседах и расследованиях нарушений внутренней дисциплины, не менее эффективно проявила она себя и при возвращении вышедших из-под контроля агентов в семью ФБР.

Если личное дело этого агента соответствовало действительности, то его можно было считать самым необузданным из необузданных. Но Пикетт изучил его досье (по крайней мере, его незасекреченную часть) и наметил пути решения проблемы.

Он посмотрел на часы: ровно час дня. И тут, словно по сигналу, дверь открылась, и в сауну вошел человек. Пикетт оглядел его с отработанным безразличием, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не вытаращить глаза. Человек был высоким, худощавым, с аккуратно подстриженными волосами почти снежной белизны. Его серебристые глаза смотрели таким холодным и непроницаемым взглядом, словно были высечены из льда, который и напоминали. Но главное,

вместо того чтобы войти раздетым, в обернутом вокруг талии полотенце, этот человек остался в черном костюме, безукоризненно сшитом и застегнутом на все пуговицы, и в белой крахмальной рубашке с идеально завязанным галстуком. Его дорожные туфли ручной работы были отполированы до блеска. Из всех мыслей, какие могли прийти во временно парализованную голову Пикетта, самая главная была такая: «Неужели он и в самом деле прошел в таком виде по раздевалке, душевой и бассейну?» Можно было только представить, какая поднялась суeta, пока агент прорывался в сауну полностью одетый, нарушая все правила.

Другой человек, сидевший в сауне у двери, поднял глаза, удивленно нахмурился и снова уставился вниз.

Пикетт сразу же пришел в себя. Он знал, что у этого агента репутация чудака. Именно поэтому он не просто решил изменить должностные обязанности агента, но и выбрал для разговора сауну. Согласно его опыту, необычные ситуации – как, например, разговор нагишом в сауне – помогали лишить проблемного субъекта уверенности и обеспечить себе победу.

Теперь ему ничего не оставалось, кроме как пустить все на самотек.

Прежде чем начать говорить, Пикетт взял деревянный ковшик, зачерпнул из бочки воду и плеснул на камни сауны. Помещение наполнилось достаточно густым облаком пара.

– Агент Пендергаст, – ровным голосом проговорил Пикетт.

Человек в черном кивнул:

– Сэр.

– За душевой имеется раздевалка с несколькими рядами шкафчиков. Вы бы не хотели переодеться?

– В этом нет необходимости. Тепло идет мне на пользу.

Пикетт оглядел агента с ног до головы:

– Тогда садитесь.

Агент Пендергаст взял полотенце из стопки у двери, подошел, протер от влаги скамью рядом с Пикеттом, потом аккуратно сложил полотенце и сел.

Пикетт постарался сделать вид, что ничуть не удивлен.

– Прежде всего, – начал он, – я хочу выразить вам мои соболезнования в связи со смертью Говарда Лонгстрита. Он был превосходным директором по разведке, а для вас, насколько мне известно, кем-то вроде наставника.

– Он был лучшим из людей, каких я знал, кроме одного.

Это был не тот ответ, которого ожидал Пикетт, но он кивнул и оставил в силе свою повестку.

– Я уже некоторое время собирался встретиться с вами. Надеюсь, вы не возражаете, если я буду говорить прямо.

– Отнюдь. В отличие от ножей, прямые разговоры позволяют быстрее закончить дело.

Пикетт внимательно посмотрел на Пендергаста – нет ли на его лице какого-либо намека на неповиновение, но лицо было абсолютно бесстрастным. Пикетт продолжил:

– Наверное, я не удивлю вас, если скажу, что за те несколько месяцев, пока я возглавляю нью-йоркское отделение, я много слышал о вас – как официально, так и неофициально. Если откровенно, то у вас репутация одинокого волка, у которого при этом очень высок процент успешных дел.

Пендергаст принял комплимент с коротким кивком, наподобие того, что делают партнерше перед началом вальса. Все его движения были выверенными, как и его речь, и кошачьими, словно он подкрадывался к жертве.

Теперь Пикетт предъявил обратную сторону комплимента:

– Но у вас также необычайно высокий процент подозреваемых, которые не доходят до суда, потому что, выражаясь на языке ФБР, «отправляются в мир иной в процессе расследования».

Еще один грациозный кивок.

– Исполнительный заместитель директора Лонгстрит был не только вашим наставником, но и ангелом-хранителем в Бюро. Насколько я понимаю, он не подпускал к вам комиссию по расследованиям, защищал ваши наиболее неординарные действия, прикрывал вас сзади. Но теперь, когда Лонгстрита нет, высокие чины пребывают в некоторой растерянности... я хочу сказать, не знают, как быть с вами дальше.

Пикетт ожидал увидеть в глазах агента искорку озабоченности. Но ничего такого не заметил. Он взял ковшик, плеснул еще порцию воды на камни. Температура в сауне поднялась до жарковатых восьмидесяти двух градусов.

Пендергаст поправил галстук, поменял местами ноги, закинутые одна на другую. Казалось, он даже не вспотел.

– Короче говоря, мы пока решили дать вам свободу рук в том, что удастся вам лучше всего: расследование психологически неясных убийств теми методами, которые прежде приносили вам успех. С несколькими оговорками, конечно.

– Конечно, – согласился Пендергаст.

– А это выводит нас на ваше следующее задание. Сегодня утром на могиле в Майами-Бич найдено человеческое сердце. Могила принадлежит некой Элизе Бакстер, которая удушила себя простыней в Катадине, штат Мэн, одиннадцать лет назад. На могиле...

– Почему миз Бакстер похоронили во Флориде? – мягко прервал его Пендергаст.

Пикетт помедлил. Он не любил, когда его прерывают.

– Она жила в Майами. В Мэн поехала отдохнуть. Семья переправила тело домой для захоронения. – Он помолчал, чтобы убедиться, что не последует никаких

других вмешательств, потом взял лист в файлике. – На могиле лежала записка. Она гласила... – Он посмотрел на бумагу. – «Дорогая Элиза, извини за случившееся с тобой. Мысль о том, как ты, вероятно, страдала, много лет преследовала меня. Я надеюсь, ты примешь этот дар с моими искренними соболезнованиями. Давай тогда пойдем с тобою вместе, ты и я... другие тоже ожидают подарков». Под посланием подпись: «Мистер Брокенхартс»[3 - Фамилия со смыслом: Brokenhearts означает «разбитые сердца».]

Пикетт замолчал, чтобы дать Пендергасту время осмыслить услышанное.

– Весьма любезно со стороны мистера Брокенхартса, – сказал Пендергаст секунду спустя, – хотя его подарок свидетельствует о дурновкусии.

Пикетт прищурился, хотя на его ресницах повисли капли пота, но так и не заметил ни малейшего намека на неподчинение. Агент сидел свежий как огурчик, несмотря на жару.

– Сердце обнаружила посетительница кладбища сегодня утром, около семи сорока пяти. В десять тридцать под кустом на променаде Майами-Бич, в десяти милях к югу, нашли тело женщины. Ее сердце было вырезано. Полиция Майами-Бич все еще работает на месте преступления, но одно нам уже известно: на могиле было найдено сердце именно этой убитой.

И тут Пикетт впервые увидел, как что-то вспыхнуло в глазах Пендергаста – искорка, словно бриллиант повернули к свету.

– Мы не знаем, что связывало Элизу Бакстер и убитую сегодня женщину. Но какая-то связь должна быть, это представляется очевидным. И если упоминанию «других» в записке можно доверять, то следует ожидать новых убийств. Элиза Бакстер умерла в штате Мэн, и, хотя ее смерть считается самоубийством, межштатская юрисдикция означает, что в расследовании участвуем и мы. – Он положил файл на скамью, подтолкнул к Пендергасту. – Завтра с утра вы отправляетесь в Майами на расследование.

Глаза Пендергаста по-прежнему сверкали.

– Отлично. Просто превосходно.

Но когда агент протянул руку к файлику, Пикетт прижал лист бумаги к скамье:

– Еще кое-что. Вы будете работать с напарником.

Пендергаст замер.

– Я здесь уже упоминал об оговорках. Эта – самая крупная. Говарда Лонгстрита, который прикрывал вас с тыла, больше нет, агент Пендергаст. Он больше не наставит вас на путь истинный, когда вы пуститесь во все тяжкие. Бюро не может игнорировать ваши примечательные достижения. Но не может игнорировать и высокую смертность среди ваших подследственных. Поэтому мы прикрепляем к вам напарника, что, конечно, является обычной практикой ФБР. Я назначаю вам в напарники одного из самых проницательных молодых агентов. Вы, естественно, будете ведущим в этом деле, но он будет помогать вам на каждом шагу. Он будет функционировать и как внимательный слушатель, и, при необходимости, как дотошный проверяльщик. И кто знает, возможно, вы оцените такое сотрудничество.

– Я полагаю, что мой послужной список говорит сам за себя, – произнес Пендергаст тем же тягучим шелковым голосом. – Я лучше всего работаю в одиночку. Напарник может стать мне помехой.

– Мне казалось, вы неплохо работали в паре с одним нью-йоркским копом, как там его имя – д’Агоста?

– Д’Агоста – исключительный случай.

– Человек, о котором я вам говорю, тоже исключительный. Но давайте ближе к делу. Это неременное условие. Либо вы принимаете напарника, либо мы поручаем дело кому-то другому.

«И подвешиваем вас в состоянии неопределенности, пока не возьметесь за ум», – подумал про себя Пикетт.

Во время этой короткой речи на лице Пендергаста возникло некое выражение, очень странное выражение, – Пикетт, невзирая на весь свой обширный психологический опыт, не сумел его определить. Несколько секунд

единственным звуком в сауне оставалось шипение камней.

– Принимаю ваше молчание за согласие. И теперь для вас настало время познакомиться с вашим напарником. Агент Колдмун, не могли бы вы присоединиться к нам?

При этих словах молчаливый молодой человек, сидевший в дальнем углу, встал, затянул потуже полотенце на поясе и, поблескивая пленкой пота, подошел к ним. У него была светлая оливково-коричневая кожа, черты лица тонкие и в каком-то смысле почти азиатские. Он бесстрастно посмотрел на двух мужчин, сидевших перед ним. Стройный и прямой, он казался чуть ли не идеальным агентом. Разве что его волосы – цвета воронова крыла, довольно длинные и с пробором посередине – не отвечали этому образу. Пикетт внутренне улыбнулся. Его решение сделать этих двоих напарниками казалось ему штрихом мастера. Пендергаста ждет сюрприз.

– Это специальный агент Колдмун, – сказал Пикетт. – Он в Бюро восемь лет и уже проявил себя в отделах кибербезопасности и уголовных расследований. Рапорта соответствия, представленные его начальством, иначе как образцово-показательными и не назовешь. Восемнадцать месяцев назад за похвальную службу при проведении операции под прикрытием в Филадельфии награжден Знаком ФБР за храбрость. Я не удивлюсь, если со временем он догонит вас по благодарностям от начальства. Думаю, вы найдете в нем способного ученика.

Пока звучал этот панегирик, агент Колдмун оставался бесстрастным. Между тем, как заметил Пикетт, странное выражение на лице Пендергаста сменилось искренней улыбкой.

– Агент Колдмун, – сказал Пендергаст, протягивая руку. – Рад познакомиться.

– Аналогично. – Колдмун пожал протянутую руку.

– Если ваши достижения хоть в малой степени соответствуют тому, о чем говорил здесь ответственный заместитель директора Пикетт, то вы, несомненно, внесете большой вклад в то, что обещает быть весьма интересным расследованием.

– Сделаю все возможное, – откликнулся Колдмун.

– Тогда мы замечательно сработаемся, – сказал Пендергаст.

Он перевел взгляд на Пикетта. Если не считать одной-единственной капельки пота на лбу Пендергаста, жара, похоже, ничуть на него не повлияла: его рубашка и костюм казались такими же свежими, как и раньше.

– Вы сказали, что завтра рано утром мы вылетаем в Майами?

Пикетт кивнул:

– Билет и приказ о вашем назначении вы найдете у себя на столе.

– В таком случае я, пожалуй, пойду готовиться. Спасибо, что поручили мне это дело, сэр. Агент Колдмун, встретимся завтра утром.

Он коротко поклонился каждому, встал и вышел из сауны, двигаясь так же легко и свободно, как и при своем появлении.

Оба оставшихся в сауне смотрели на дверь, закрывшуюся за ним. Пикетт выждал целую минуту, прежде чем заговорить снова. И лишь убедившись, что Пендергаст не вернется, откашлялся.

– Так... – сказал он Колдмуну. – Вы только что услышали от меня вашу легенду. В этом деле вы будете играть вторую скрипку.

Колдмун кивнул.

– Есть какие-нибудь вопросы о вашем настоящем задании касательно Пендергаста?

– Нет.

– Отлично. Жду от вас регулярных отчетов.

– Да, сэр.

– Это все.

Не сказав больше ни слова, специальный агент Колдмун развернулся и вышел из сауны. Пикетт набрал еще ковшик воды, плеснул на вишневого цвета камни, потом снова откинулся назад и довольно вздохнул, когда новый взрыв пара заполнил кедровую сауну.

3

Миссис Траск осторожно катила сервировочный столик с чаем по темному коридору, ведущему из кухни особняка на Риверсайд-драйв, 891, в Нью-Йорке. Подавать чай в такое время, когда не пробило еще и трех часов, ей приходилось крайне редко: обычно Пендергаст предпочитал пить чай позже, а не раньше. Но такова была его просьба вкупе с обширным списком: вместо обычных аскетических зеленого чая и имбирного печенья в сегодняшнем меню были булочки с изюмом и лимонным кремом, ячменные лепешки, взбитые сливки, мадленки (любимое печенье Констанс) и даже крохотные бисквиты «Баттенберг». Поэтому впервые за много лет миссис Траск пришлось подавать дневной чай на сервировочном столике, а не на простом серебряном подносе. Она не сомневалась, что Пендергаст хочет угодить своей подопечной Констанс, хотя та и ела, как птичка, и, возможно, почти ни к чему не прикоснется.

И в самом деле, после их довольно неожиданного возвращения в особняк неделю назад Пендергаст проявлял к Констанс повышенное внимание. Даже Проктор, стоический шофер и охранник Пендергаста, подметил это и поделился своим наблюдением с миссис Траск. Пендергаст стал более разговорчивым, допоздна беседовал с Констанс на ее любимые темы. Он помогал ей в ее долгосрочном исследовании сложного и зачастую загадочного генеалогического древа Пендергаста. Он даже демонстрировал интерес к ее последнему проекту – террариуму, призванному способствовать распространению хищных растений, находящихся на грани вымирания.

Миссис Траск вышла из коридора в зал приемов, колесики сервировочного столика поскрипывали на мраморном полу. Из библиотеки до нее доносились приглушенные голоса: Пендергаст и Констанс о чем-то разговаривали. И эти тихие звуки радовали ее сердце. Она не знала, почему Констанс так неожиданно

уехала в Индию в прошлом декабре или почему Пендергаст недавно предпринял путешествие, чтобы привезти ее обратно. Это было личное дело Пендергаста и его подопечной, а миссис Траск просто радовалась тому, что все снова вместе. И хотя нынешняя идиллия оказалась недолгой – Пендергаст внезапно сообщил, что улетает во Флориду, – миссис Траск утешала себя тем, что это всего лишь деловая поездка.

Да, она довольно неодобрительно относилась к «делам» Пендергаста, но эти свои мысли держала при себе.

Она вкатила столик в библиотеку, обставленную в темных тонах красного дерева, где стояли шкафы, заполненные редкими ископаемыми, минералами и артефактами, и до самого потолка поднимались целые стены книг в кожаных переплетах. В камине бушевало сильное пламя, и два «ушастых» кресла стояли близко к огню. Однако кресла оказались пусты, и миссис Траск обвела комнату взглядом в поисках Пендергаста и Констанс. Когда ее глаза приспособились к мерцанию огня, она их разглядела. Они стояли в дальнем углу, наклонившись над чем-то явно очень интересным, почти соприкасаясь головами. Ну конечно, это новый террариум со стеклянными стенками. До миссис Траск донеслось контральто Констанс, почти заглушаемое треском горящих поленьев.

– ...И я нахожу весьма ироничным то, что *Nepenthes campanulata* – растение, которое на протяжении пятнадцати лет считалось исчезнувшим, – теперь считается всего лишь находящимся под угрозой, а *Nepenthes aristolochioides*, которое прежде практически не признавали видом, теперь находится на грани исчезновения.

– Действительно иронично, – пробормотал Пендергаст.

– Обрати внимание на особенную морфологию *aristolochioides*. Околоустьевое поле почти вертикальное, это большая редкость у насекомоядных растений. Их механизм питания крайне интересен. Я все еще жду местных насекомых с Суматры, но здешние жуки-носороги кажутся подходящей пищей. Не хочешь его покормить?

Констанс подняла в руке посверкивающий в отблесках пламени пинцет почти футовой длины, между концами которого было зажато корчащееся насекомое.

Настал миг кратчайшего колебания.

– Я бы предпочел наблюдать, как ты набиваешь руку.

Миссис Траск выбрала этот момент, чтобы кашлянуть и двинуть вперед чайный столик. Оба сразу повернулись к ней.

– А, миссис Траск! – сказал Пендергаст и поспешил ей навстречу. – Вы, как всегда, пунктуальны.

– Даже более чем пунктуальны, – заметила Констанс, подходя следом за Пендергастом и изучая столик своими фиалковыми глазами. – Всего только три часа. Алоизий, это ты заказал? Как из рога изобилия!

– Да.

– К нам на чай приглашена троянская армия?

– Я устраиваю себе прощальную вечеринку.

Констанс нахмурилась.

– К тому же, – продолжил Пендергаст, садясь и протягивая руку к мадленке, – ты похудела на этой монастырской диете.

– Я прекрасно ем, спасибо. – Констанс села в противоположное кресло, при этом движении ее коротко стриженные волосы колыхнулись. – Знаешь, я бы очень хотела, чтобы ты позволил мне поехать с тобой во Флориду. Это дело, которое вдруг словно с неба свалилось, – оно кажется мне таким интригующим.

– А я бы очень хотел, чтобы мне не навязывали напарника. Но мне его навязали. Констанс, я тебе обещаю, ты будешь моим слушателем и моим оракулом, ? la distance[4 - На расстоянии (фр.)].

Миссис Траск хмыкнула, наливая чай в две чашки.

– Вы можете себе представить нашего мистера Пендергаста с напарником, путающимся под ногами? Я вот не могу. Когда речь заходит о коллективной работе, он безнадежен... если вы простите мне это слово.

– Я вам все прощу, – ответил Пендергаст, – если вы положите несколько мадленок в мою сумку. Говорят, что некоторая еда в самолете бывает опасной... если не хуже.

– Он и вправду безнадежен? – спросила Констанс у миссис Траск. – Надежда должна оставаться всегда.

Миссис Траск уже отвернулась, собираясь уходить, поэтому она не видела мимолетного взгляда, которым обменялись Пендергаст и женщина, сидящая напротив него.

4

В тот же вечер, ровно в шесть часов двадцать минут, специальный агент Пендергаст, зарегистрировавшись в отеле «Фонтенбло» и убедившись, что президентский номер «Ла Мер», который он себе зарезервировал, его вполне устраивает, прошел по гулкому вестибюлю в сторону Атлантики. Просторное мраморное пространство, с его «Лестницей в никуда», группками разговаривающих гостей и лабиринтом входов и выходов, представлялось ему похожим скорее на зал вылета первого класса, чем на отель. Стеклопакетные двери с шелестом открылись при его приближении, и он вышел на просторную площадку. Лавируя между несколькими сверкающими бассейнами по пути к лугу Саут-Тропе, он проходил мимо баров, спа, пышных зеленых насаждений. Загорающие разглядывали его через свои очки «Оукли» или «Том Фордс» и не удивлялись его черному костюму, поскольку видели в нем некую разновидность швейцара, направляющегося к одной из частных купальных кабинок. Другие слуги в черном сновали между кабинками, принося гостям все, что те пожелают, – от фруктовых коктейлей до шампанского «Дом Периньон» по тысяче пятьсот долларов за бутылку.

Пендергаст пересек луг и двинулся дальше по тропинке, петляющей среди ухоженных клумб и кустов, пока не вышел к ступенькам, ведущим на дощатые

мостики, вдоль которых росли королевские пальмы. Это был променад Майами-Бич, прогулочный бульвар, шедший вдоль берега от парка Индиан-Бич почти до самого порта Майами.

Пендергаст повернул на юг, потом остановился. Слева от него, за узкой полосой кустарника и морского овса, находился берег, справа тянулась бесконечная цепочка отелей, кондоминиумов и особняков разного стиля, сверкающих белизной на фоне кобальтового неба. Дул слабый ветерок, температура приятно влажного воздуха не превышала двадцати восьми градусов. Женщина лет семидесяти, в огромных круглых солнцезащитных очках и розовом купальнике со стрингами, прошла мимо, осторожно вышагивая в итальянских босоножках на гвоздиках.

Некоторое время Пендергаст задумчиво разглядывал окружающее. Потом поправил узел галстука, подтянул манжеты и присоединился к толпе полуголых пешеходов, прогуливающих по мосткам. Неторопливая получасовая прогулка привела его на Двадцать третью улицу, где деревянные мостки перешли в асфальтовую дорожку. Еще через несколько кварталов толпа пешеходов стала гуще и словно застряла на одном месте. Причина была очевидна: в сотне ярдов впереди тротуар перегораживала желтая полицейская лента.

Полоска кустарника слева от Пендергаста расширилась до нескольких рядов живой изгороди и фигурно стриженных насаждений, за каждым отрезком ухаживал один из шикарных отелей по другую сторону бульвара. За изящными растениями шла длинная береговая терраса. Свернув на узкую тропинку, Пендергаст поднялся по бетонным ступеням на вершину террасы, оглядывая все вокруг своими серебристыми глазами. Здесь он увидел еще одну тропинку, узкую, песчаную. Впереди и внизу тянулся сам берег с рядами зонтиков и шезлонгов, перемежающихся время от времени постами спасателей. Еще дальше лежала Атлантика, ее сверкающая лазурь по мере приближения к берегу превращалась в бледный аквамарин.

Пендергаст довольно долго смотрел на море, потом повернулся на запад, являвший картину ошеломительного богатства, обосновавшегося в этой части барьерного острова. Дальше находился залив Бискейн, а еще дальше возвышались шпили городского центра Майами. Солнце в половине восьмого готовилось нырнуть за горизонт, как оно уже сделало в Нью-Йорке девяносто минут назад. Вдали собирались розовые переливчатые облака.

Некоторое время Пендергаст стоял неподвижно, ощущая, как легкий ветерок шевелит его волосы. Наконец он повернулся и принялся разглядывать часть кустарника, огороженную желтой лентой. Несколько зевак в отелях напротив делали то же самое. Сообщения об убийстве уже попали в ленты новостей, но полиция сумела сохранить в тайне сведения об украденном сердце.

Тем же ленивым шагом Пендергаст спустился по лестнице и приблизился к ленте. Большая часть огороженного участка состояла из лабиринта живой изгороди высотой по грудь, аккуратно подстриженной и проходящей между прогулочным тротуаром и береговой террасой. Пендергаст шагнул вперед и остановился, когда нижняя пуговица его пиджака коснулась ленты. Судя по всему, основные события уже закончились: единственными людьми, которых он видел за ограждением, были одинокий криминалист, все еще в маске и бахилах, и полицейский, сидевший на скамейке явно для того, чтобы не пропускать посторонних.

Пендергаст подошел так тихо, что полицейский даже не заметил его присутствия. И только когда Пендергаст начал подныривать под ленту, коп посмотрел в его сторону. Отсутствующее выражение на его лице сменилось раздраженным, он поднялся со скамьи и двинулся в сторону Пендергаста, подтягивая на ходу брюки и поправляя пояс. Полицейскому было лет под пятьдесят: редящие каштановые волосы, широко расставленные глаза и лицо с прожилками. Несмотря на относительно худые конечности, живот у него выпирал из-под рубашки.

– Эй! – грубо сказал полицейский. – Вы! Стойте!

Пендергаст остановился, но только после того, как поднырнул под лентой и снова выпрямился.

Коп подошел, нахмурившись. Крохотные кровяные сосуды испещряли все его лицо. На рукавах ниже плеч красовались голубые с золотом накладки полиции Майами-Бич.

– Что это вы делаете, черт побери? Это запретная зона. Вернитесь за ленту!

– Прошу прощения, офицер, – произнес Пендергаст своим самым обворожительным голосом, – но я полагаю, что мое присутствие здесь

санкционировано.

Коп оглядел его с головы до ног:

– Вы что, из похоронной конторы? Тело уже давно забрали.

– Боюсь, что я не из похоронной конторы, хотя это простительная ошибка. Я специальный агент ФБР.

– ФБР? – Полицейский прищурился. – Позвольте взглянуть на ваши документы.

– Безусловно.

Пендергаст вытащил из кармана тонкий кожаный бумажник и поднял его, позволив ему раскрыться. В верхней части находилось удостоверение с фотографией и званием, в нижней – жетон ФБР.

Местный коп внимательно изучил документ, после чего посмотрел на Пендергаста с меньшим подозрением, но с большей враждебностью.

– ФБР, – повторил он. – Я что-то слышал о вашем приезде. Что-то о сотрудничестве с нами по этому делу.

– Верно, – сказал Пендергаст. – Как хорошо, что вы вспомнили, офицер... – он посмотрел на полоску с его фамилией, – офицер Кляйнвессель. А теперь, если вы не возражаете, я бы хотел посмотреть своими глазами.

Но когда он шагнул вперед, коп уперся ладонью ему в грудь, останавливая его:

– Вы никуда не пойдете, приятель.

Пендергаст не любил, когда к нему прикасались:

– Что, простите?

– Как я уже говорил, я слышал, что вы, ребята, приедете. Но мой сержант сказал, что ФБР будет здесь завтра. Не сегодня. С нашей стороны еще не закончена бумажная работа. Если вы не предъявите письменную санкцию, я не смогу пустить вас на место преступления.

Пендергаст задумался. Он вспомнил, что полиция Майами испытывает некоторое недружелюбие по отношению к ФБР. Похоже, у здешних полицейских была коллективная аллергия на ФБР, восходящая ко временам полномочий слишком уж усердного главы местного отдела ФБР. Был также один очень неприятный инцидент несколько лет назад, когда ФБР пыталось надеть наручники на патрульного полицейского на велосипеде и удалить его с места преступления. Теперь, судя по всему, пришло время возвращать долги.

Пендергаст закрыл бумажник, но оставил его в руке.

– Я получил приказ, – сказал он, – согласно которому должен осмотреть место этого преступления.

– Я тоже получил приказ. И согласно этому приказу, я никого не должен сюда пускать, пока не услышу чего-то другого от моего сержанта. А теперь возвращайтесь на ту сторону ленты... сэр.

– Офицер, – произнес Пендергаст безгранично терпеливым тоном, – вы видели мое удостоверение. Вы сами признали, что ФБР оказывает помощь в расследовании. Я буду вам очень обязан, если вы отойдете в сторону и позволите мне исследовать место преступления.

– Исследовать? – Коп рассмеялся. – Вы, видать, вообразили себя каким-то Шерлоком Холмсом.

– Офицер Кляйнвессель, я не давал вам оснований оскорблять меня.

– Я просто констатирую факт. А факт заключается вот в чем: вашим дедукциям придется подождать до завтрашнего утра, если вы не предъявите мне письменной санкции.

Пендергаст взвесил его слова. Он, конечно, получил приказ от Пикетта, но приказ вместе с завтрашним билетом на самолет остался лежать на столе в офисе, куда он не заходил несколько дней. Пендергаст надавил грудью на удерживающую его руку.

– Вы упомянули Шерлока Холмса, – сказал он медоточивым голосом. – Сам я никогда не относился к нему с симпатией – он всегда казался мне неоправданно мелодраматичным. Но прекрасно: если вы хотите Шерлока Холмса, то Холмса вы и получите. – Он замолчал на секунду. – Офицер Кляйнвессель, я не вижу ничего такого, что помешало бы нам стать друзьями. А вы?

В ответ Кляйнвессель слегка подтолкнул Пендергаста к ленте.

– И, как ваш друг, я чувствую себя обязанным предупредить вас, что вы ставите под угрозу вашу карьеру, ваш брак и, возможно, вашу жизнь.

– Не знаю, что за фигню вы тут несете. Но вот что я вам скажу. Отойдите от места преступления, или окажетесь в наручниках.

– Боюсь, что это никакая не фигня. Поскольку ваша отставка приближается, а вы, несомненно, хотите сохранить нищенскую пенсию, которая вас ожидает, то вам стоит подумать, как лучше скрывать свою привычку к пьянству. Хотя, возможно, это все напрасно, так как ром «Кубинская гончая», который вы предпочитаете, не только крепкий, но еще и содержит в большом количестве вредные альдегиды и эфиры. Если вы немедленно не покончите с этой привычкой, то вполне вероятно, что цирроз печени сделает вашу жизнь на пенсии весьма короткой.

Он помолчал. Кляйнвессель открыл рот:

– Какого черта?..

– Ваша жена, должно быть, терпеливая женщина, если столько лет выносит ваше пьянство. Но если она узнает, что у вас к тому же есть любовница – довольно низкопробная любовница в Опа-Локе, – то это станет последней каплей. Как видите, офицер Кляйнвессель, я забочусь о вас. Меня тревожит ваше будущее, ведь вашей работе, вашему браку и жизни угрожает опасность, пока еще скрытая опасность. Но конечно, никогда нельзя исключать

возможность, что ваши шалости могут всплыть.

С этими словами Пендергаст убрал свой бумажник в карман пиджака, одновременно делая вид, что достает сотовый телефон.

Вся краска сошла с лица полицейского. Смертельно бледный, он огляделся, словно призывая невидимую помощь:

– Откуда вы... – У него перехватило дыхание. – Откуда вы... – задыхаясь, выговорил он, вновь побагровев.

– Вы спрашиваете меня, сэр, каким образом я пришел к моим, как вы их называете, «дедукциям»?

Пендергаст подождал, но полицейский Кляйнвессель так и не сумел сформулировать вопрос.

– Ну хорошо: по кольцу на мизинце вашей правой руки я вижу, что вы окончили академию девятнадцать лет назад – дата выгравирована, она у всех на виду, – а это значит, что ваши двадцать лет службы почти закончились. Но за все это время вы не заработали ни знаков различия, ни нашивок, то есть остались в самом низком звании. Сам факт, что вас поставили на охрану закрытого места преступления, говорит о многом. Отсюда и минимальная пенсия. И если уж речь зашла о кольцах, то я не вижу на вас обручального кольца. Однако светлая полоска на вашем безымянном пальце все же говорит о его наличии, а мозоль на костяшке свидетельствует, что вы довольно часто то снимаете его, то надеваете. Что же касается вашей любовницы, мне хватило одного взгляда на вашу одежду. Когда к северо-западу отсюда в начале двадцатого века был заложен район Опа-Лока, его основатели, как известно, использовали мавританский стиль архитектуры. Частью этого стиля стало экзотическое травянистое растение со Среднего Востока, известное как *Erodium glandiatum*, которым засеяли общественные места. Семена разных видов этого *Erodium* имеют весьма характерный вид: они длинные и тонкие, один кончик напоминает штопор, а другой – с перышками, как жабры омара. Так получилось, что Опа-Лока является единственным и уникальным ареалом обитания этого растения в Соединенных Штатах, что вкупе со странного вида семенем и напомнило мне об этом факте. На вас в данный момент не менее двух семян этого вида: одно с задней стороны правого колена, а другое торчит из-за обшлага брюк. Первое

семя свежее, второе довольно засохшее, а значит, вы в своей форме не менее двух раз за последние дни, а возможно, и больше посещали Опа-Локу. К сожалению, Опа-Лока в последнее время не процветала. Если бы этого было недостаточно, чтобы установить социальную принадлежность вашей пассивности, то последние сомнения рассеял слабый запах дешевого одеколона – «Ночь желаний», если не ошибаюсь.

Коп опустил руки и сделал несколько шагов назад, глядя на Пендергаста так, словно агент ФБР был болен какой-то заразной болезнью.

– Откуда вы все это знаете? – спросил он срывающимся голосом.

– Элементарно, мой дорогой Кляйнвессель.

– Я и рюмки не выпил за десять лет, – проскулил полицейский. – Вы ничего не докажете. А что это за говно про ром «Кубинская гончая»?

– Нет никакого смысла лгать мне, офицер. Как я уже сказал, я пытаюсь вам помочь. Торчащий живот натянул пуговицы на вашей рубашке, а с учетом общей худобы это указывает на выраженный асцит. Фиматозная розацеа, столь очевидная на вашем лице, тоже дает повод для размышлений. Касательно же типа алкоголя, который вы употребляете, то «Кубинская гончая» не только самый дешевый, самый крепкий и самый легкодоступный в вашем регионе алкогольный напиток, но и характерная для него бутылка в одну пинту – самая удобная для незаметного ношения. И даже если не принимать во внимание специфический запах, то я не мог не заметить, что правый задний карман ваших брюк выпячен как раз в форме этой бутылки. А теперь, офицер, могу я заняться своей работой? Или?.. – Он с улыбкой поднял мобильник повыше.

Несколько мгновений челюсть полицейского беззвучно двигалась, мышцы его лица то напрягались, то расслаблялись. А затем он без слов отошел в сторону.

– Очень вам признателен, – сказал Пендергаст.

Проходя мимо, он на миг остановился и легко положил руку на плечо Кляйнвесселя:

– Я непременно переговорю с вашим сержантом, скажу ему, как вы были полезны. Может быть, нам удастся наконец заполучить для вас шеврон. – Потом он наклонился к его уху, словно собираясь поделиться тайной, и тихо произнес: – Кстати, Конан Дойл все перепутал: Шерлок Холмс пользовался методом индукции, а не дедукции.

После этого он беспрепятственно двинулся вперед по лабиринту живой изгороди, то и дело останавливаясь, чтобы опуститься на колени, вытащить лупу из кармана и исследовать что-то в грунте по краю тропинки. В какой-то момент он достал из кармана пинцет, вытащил из травы что-то мелкое и положил в маленькую пробирку.

Уже опускались сумерки, когда он добрался до конца живой изгороди, где одинокий криминалист, собираясь уходить, укладывал свои инструменты. Пендергаст предъявил жетон ФБР, и криминалист оказался гораздо более услужливым, чем полицейский. Он показал на участок под стеной живой изгороди, где в землю было воткнуто множество флажков-маркеров. Грунт здесь был почти черным и очень влажным, поскольку впитал в себя большое количество крови. Пендергаст снова опустился на колени, легонько потрогал землю пальцами, отметил ее сходство с губкой.

Он достал из кармана маленький фонарик и пошарил лучом по земле.

– Что вы можете сказать об убийстве?

– Похоже, сначала была нанесена ножевая рана в шею, – заговорил криминалист, сдвигая марлевую повязку со рта. – Жертву оттащили с тропинки сюда, в уединенное место, очень острым ножом перерезали шею сзади, вскрыли грудь лезвием какого-то большого инструмента, возможно топорика, и извлекли сердце. Патологоанатом считает, что ко времени извлечения сердца она уже ничего не осознавала – смерть наступила вследствие потери крови. Тело затолкали сюда, под куст, накидали поверх него немного грунта.

– Разброс брызг?

– Как и следовало ожидать. Первичный фонтан на нижнюю часть кустарника и на землю вокруг.

– Приблизительное время смерти?

– Около четырех утра плюс-минус.

– А кто нашел тело?

– Новобрачные из Сиэтла. Выбрали это место, чтобы потискаться. – Он кивнул на скамейку неподалеку.

– И это произошло около половины одиннадцатого, насколько я понимаю?

– Да, в десять пятнадцать.

По-прежнему стоя на коленях, Пендергаст огляделся. Живая изгородь сильно разрослась, и в четыре часа в безлунную ночь здесь царила тьма. Пешеходные мостки и берег наверняка пустовали. Пендергаст взглянул вверх: ветви пальм и декоративный кустарник закрывали окна ближайших отелей. Учитывая многолюдность острова, преступник выбрал подходящее место для убийства.

– Вы позволите мне поработать немного? – спросил Пендергаст. – Без бахил, без халата.

– Не стоит беспокоиться, мы тут закончили, – ответил криминалист.

Следующие пятнадцать минут Пендергаст тщательно обыскивал участок, иногда доставал лупу, пинцет, фонарик, щелкал камерой телефона. Но, как сказал Кляйнвессель, видеть тут особо было нечего.

Наконец Пендергаст поднялся на ноги:

– Спасибо вам за терпение.

– Не стоит благодарности.

Криминалист взял свой чемоданчик и направился к выходу из лабиринта.

Пендергаст поспешил следом:

– А есть еще что-нибудь примечательное относительно этого убийства?

– Ничего, разве что два кровавых отпечатка обуви, найденные в стороне от места убийства.

– Отпечатки обуви? – Пендергаст вскинул брови. – Это стоило бы взять на заметку.

– Оставлены дешевыми мужскими сандалиями большого размера. Такие продаются во всех магазинах, от них нетрудно избавиться. Ничего более распространенного здесь не найти. По таким сандалиям вряд ли кого найдешь – их носят все, что днем, что ночью.

– Все?

– Все приезжие и примерно половина местных. – Они приближались к месту, где висела полицейская лента. – Это ведь флоридское побережье, верно? Вы же не собираетесь идти загорать в этих? – Он кивнул на туфли «Джон Лобб», в которых был Пендергаст: даже в сумерках кожа сшитой на заказ обуви тускло сияла.

– Я вас понял. – Пендергаст помолчал. – Что днем, что ночью, говорите?

– Именно.

– Так... – Пендергаст остановился на мгновение и уставился вдаль. – Странные у вас тут обычаи, мой друг.

На следующее утро белый «ниссан-альтима» подъехал к дому на Тайгертейл-авеню в северо-восточной части Коконат-Гроув. Какое-то время машина стояла с включенным двигателем у тротуара, пока водитель возился со всевозможными

кнопками, рычажками и экранами. Наконец двигатель заглох, водительская дверь открылась, и оттуда вышел специальный агент Пендергаст. Он отряхнулся от пыли, бросил на машину мрачный взгляд и двинулся к дому.

Ухоженное белое здание в стиле Испанской миссии, построенное лет пятьдесят назад, стояло в плотном окружении тропических деревьев, которыми был знаменит город. Хотя вокруг раскинулся многолюдный жилой квартал – Пендергаст слышал жужжание газонокосилок, голоса детей, идущих в школу, – этот дом казался спящим. Пендергаст поднялся по ступенькам к двери и нажал кнопку звонка.

Изнутри раздался переливчатый звон, а через десять секунд – звук приближающихся шагов. Дверь открыл пожилой мужчина, почти такой же высокий, как Пендергаст, одетый в свежую рубашку поло и шорты. Жидкие седые волосы были кое-как начесаны на лысую загорелую макушку. Он молча посмотрел на Пендергаста вопрошающим взглядом.

– Доброе утро, – сказал Пендергаст. – Гарольд Бакстер, насколько я понимаю?

– Чем могу помочь?

– Я специальный агент ФБР Пендергаст. – Он показал свой жетон ФБР. – Простите, что нарушаю ваш покой, но не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего времени?

Бакстер моргнул:

– Полиция вчера днем приходила ко мне.

– Не сомневаюсь. Обещаю, что не задержу вас так долго, как они.

– Хорошо. Входите.

Бакстер отошел в сторону, Пендергаст открыл противомоскитную дверь и проскользнул в дом.

Хозяин дома провел его через гостиную и столовую – обе комнаты выглядели безукоризненно и чуть пахивали нафталином – на выстланную плиткой веранду в задней части дома. Вокруг круглого стола со стеклянной столешницей стояли садовые кресла с подушками, и Бакстер показал агенту на один из них. Пендергаст уселся, и тут в раздвижной двери появилась женщина приблизительно того же возраста, что и Бакстер. В одной руке она держала кухонное полотенце.

– Гарольд? – сказала она, хотя взгляд ее не отрывался от Пендергаста. – Еще один?..

Но Пендергаст уже поднялся и сделал несколько шагов к ней:

– Миссис Бакстер? Моя фамилия Пендергаст, я агент ФБР. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов вам и вашему мужу?

– Мм... нет, пожалуй, не возражаю.

Женщина подошла к одному из кресел, вспомнила о полотенце в руке, аккуратно сложила его, повесила на спинку кресла и села.

Пендергаст заговорил, переводя взгляд с одного на другую:

– Сначала позвольте поблагодарить вас. Я понимаю, как это трудно, и мне меньше всего хотелось бы беречь старые раны. Возможно, для вас легче всего будет рассказать мне, много ли вы знаете о том деле, из-за которого к вам приходила вчера полиция.

Бакстер кинул взгляд на жену:

– Они особо ни о чем не говорили. В основном задавали вопросы. По поводу той... вещи, которую нашли на могиле Элизы.

Пендергаст кивнул, побуждая продолжать.

– И они спрашивали, не знаем ли мы чего-нибудь про ту женщину, что убили вчера. Мисс... Мисс... – Он снова посмотрел на жену.

– Монтера, – подсказала женщина. – Фелиция Монтера.

– Понятно, – сочувственно произнес Пендергаст. – А позвольте спросить, как вы им ответили?

– Мы сказали, что, насколько нам известно, Элиза никогда не встречалась с той несчастной девушкой и даже не слышала о ней. Мы-то определенно о ней ничего не знаем. Я вот о чем: Элиза со многими встречалась, но всегда нам обо всех рассказывала. Каждый вечер за обедом она рассказывала о том, как прошел день.

У пожилой женщины скривился рот, и она машинально потянулась за полотенцем.

– Значит, ваша дочь жила с вами?

Мужчина кивнул:

– Так ей было удобнее. Работала она поблизости, в Корал-Гейблс. Элиза копила на собственный домик, но она была очень разборчива, что и неудивительно, учитывая характер ее работы.

– А что за работа?

– Она была агентом по продаже недвижимости. И очень многообещающим, при ее-то молодости. Из молодых да ранних.

Мать промокнула один глаз полотенцем:

– Полиция вчера задавала нам все эти вопросы.

– Прошу прощения, я постараюсь покороче. Насколько я понимаю, ваша дочь умерла в Катадине, штат Мэн.

Молчание. Потом мистер Бакстер кивнул.

– У нее там жили родственники? Друзья?

– Нет, – ответил отец. – Компания, в которой она работала, – «Солнце и берег» – проводила там конференцию. Но по существу, просто несколько дней отдыха, вознаграждение для агентов с высокими продажами.

– У «Солнца и берега» офисы по всему штату, – добавила жена, снова складывая полотенце.

– А у Элизы в то время был кто-нибудь близкий? Бойфренд, например?

Отец кивнул:

– Мэтт. Хороший парнишка. На подлодке служил... тогда, по крайней мере. На атомной.

– Вы не знаете, они в то время не ссорились по какому-либо поводу?

– Да они всегда были душа в душу. Мэтт, когда не его вахта, всегда с ней встречался. А когда это случилось, он находился в море на двухмесячном дежурстве, середина его срока.

– И вы говорите, работа ее устраивала?

– Эта работа значила для нее все. Ну и мы, конечно. И... и Мэтт.

– Вы бы назвали ее оптимистичным человеком в общем и целом?

– Вот тут вы можете дальше не копать, – сказал мистер Бакстер. – То же и копы спрашивали, так что позвольте сэкономить вам немного времени. Если наша Лиззи была несчастной, то она была чертовски хорошей актрисой. Работа. Бойфренд. Она даже прослушала месяцем раньше курс о личной безопасности. Ну вы знаете: самозащита, предотвращение взлома, всякое такое. Зачем человеку, который собирается покончить с собой, ходить на подобные курсы? – Он покачал головой. – Бессмысленно.

– Я понимаю, как вам досталось... а бессмысленность случившегося делала этот груз еще тяжелее. – Пендергаст немного помолчал. – Еще один вопрос. Вы говорите, Элиза жила в вашем доме. Ее комната в настоящее время занята кем-нибудь?

Супруги переглянулись. Потом муж отрицательно покачал головой.

– Вы не возражаете, если я посмотрю?

Короткое молчание, потом Гарольд Бакстер поднялся:

– Я вам покажу.

Они втроем поднимались по лестнице, когда с улицы донесся неожиданный взрыв ребячьего визга и криков.

– Все вокруг меняется, – сказал Бакстер. – Много молодежи сюда переезжает. Мы думали о переезде, но не хватает духа оставить Гроув... и наш дом.

Пройдя до половины коридора, он остановился, открыл дверь и махнул рукой:

– Мы здесь ничего не меняли.

Пендергаст вошел в комнату – светлое жизнерадостное помещение, выкрашенное в канареечно-желтый цвет, с кроватью под балдахином и светлой деревянной мебелью. На стенах висели две акварели, изображающие пляжные сцены, на прикроватном столике стояли фотографии в рамочках. Пендергаст огляделся, обратив внимание, что мать умершей девушки осталась в дверях.

Он повернулся к хозяевам дома:

– Огромное вам спасибо. Мне нужна всего одна минута.

Когда ее муж ушел вниз, миссис Бакстер показала на пластиковый пакет, лежащий на прикроватном столике:

– Это ее личные вещи, которые полиция вернула нам, после того как Лиззи... из Мэна. Вчера полицейские попросили показать. Наверное, они их здесь и оставили.

Пендергаст подошел к столику, взял пакет. Внутри лежали маленький кожаный бумажник, колечко черненого серебра и золотая цепочка с медальоном, на котором был изображен святой с деревянным посохом.

– Апостол Иуда Фаддей, – сказала женщина.

Пендергаст покрутил медальон в руке:

– Святой покровитель проигранных дел.

– Элиза носила его с первого года в колледже. Почему – так нам и не объяснила. – Голос миссис Бакстер стал тихим и странным. – Я каждый день спрашиваю себя, почему она это сделала. Каждый день. Но ответа так и не получила. – Она всхлипнула. – Столько всего на свете, для чего она могла бы жить.

Пендергаст посмотрел на нее.

– Я знаю, вы все еще скорбите, – вполголоса произнес он. – И думаете, что должны были быть какие-то признаки или подсказки, которых вы с мужем не заметили. Но хотя это очень трудно, вы должны понять, что с подобными самоубийствами, произошедшими без всякой видимой причины, разобраться сложнее всего, ведь никто не объяснит, почему так случилось, это неподвластно пониманию. Чего вы ни в коем случае не должны делать, так это винить себя.

Пока он говорил, женщина внимательно смотрела на него. Потом внезапно шагнула вперед и обеими руками обхватила руку Пендергаста, сжав его пальцы на медальоне.

– Возьмите его, – сказала она.

Пендергаст вопросительно посмотрел на нее:

– Миссис Бакстер, я...

Она резким жестом заставила его замолчать:

– Пожалуйста. Мне кажется, вы – тот, кто кое-что знает о проигранных делах.

После этого она развернулась и последовала вниз по лестнице за своим мужем.

Пендергаст несколько секунд стоял неподвижно, потом спрятал медальон в карман пиджака и тут же вытащил пару латексных перчаток. Он положил на прежнее место пакет с вещами Элизы и начал быстро двигаться по комнате, исследуя всякие мелочи, парфюмерию, книги в небольшом шкафу. Как и сказала мать Элизы Бакстер, полицейские тут уже побывали – он видел сбивающиеся с толку отпечатки их обуви на полу, потревоженную пыль на письменном столе. Это раздражало (даже по прошествии стольких лет он бы предпочел войти в комнату в ее нетронутом состоянии), но было ожидаемо. Снизу донесся звук дверного звонка. Пендергаст начал выдвигать ящики один за другим – комод, ночная тумбочка, трюмо, – быстро просматривая их содержимое и стараясь ничего не нарушить.

Снова звук шагов на лестнице, на сей раз более тихих. Пендергаст снял перчатки и сунул их в карман за секунду до того, как агент Колдмун – в темно-сером костюме – появился в дверном проеме. Он немного запыхался, на висках выступили капельки пота. Вместе с ним в комнату вплыл запах, незнакомый Пендергасту, какая-то смесь паленой кошачьей шерсти и масляной кислоты.

– Агент Колдмун, – сказал Пендергаст, делая шаг вперед. – Как я вижу, сегодня вы одеты. Очень рад видеть вас снова.

– И я рад, – ответил Колдмун, пожимая протянутую руку. – Хотя и надеялся встретиться с вами раньше.

– То есть на шестичасовом рейсе из Ла Гуардиа? Да. Ну, с учетом характера расследуемого дела я решил прилететь сюда без задержки и купил билет на вторую половину вчерашнего дня. – Пендергаст снова потянул носом воздух. – Я прошу прощения, не сочтите за грубость, но что это за необычный запах?

– Какой запах?

– Не знаю. Запах, который может остаться на одежде того, кто, скажем, прошел по дурнопахнущему нефтеперерабатывающему заводу.

– Я никаких запахов не чувствую, – холодно ответил Колдмун. – А теперь не будете ли вы добры ввести меня в курс дела?

– О, конечно. Фелиция Монтера, двадцати девяти лет, убита вчера приблизительно в четыре утра, вероятно во время пробежки трусцой перед работой – она работала медсестрой в медицинском комплексе «Маунт-Синай», и ее смена начиналась в шесть. Тело было спрятано в кустах неподалеку от прогулочного бульвара Майами-Бич, а несколько часов спустя его обнаружила пара, приехавшая провести здесь медовый месяц. На месте преступления почти никаких улик не обнаружено. Местная полиция уже допросила множество людей – сотрудников отеля, мусорщиков, жителей близлежащих домов, отдыхающих, – но пока никаких свидетелей не обнаружилось, и никто ничего не слышал, ни борьбы, ни крика. Миз Монтера недавно порвала со своим бойфрендом, но его не было в городе во время убийства.

– Вы видели тело?

Пендергаст кивнул:

– Первым делом с утра. На теле тоже никаких улик. Горло перерезано ножом, потом одним ударом топорика расколота грудина. Никаких признаков изнасилования или домогательств – все было сделано очень быстро. Кажется, у жертвы ничего не взято... кроме сердца, конечно. За исключением записки на могиле Элизы Бакстер и упоминания в ней о каком-то даре, никаких других мотивов убийства миз Монтеры не выявлено. Обнаружено несколько следов сандалий в крови, уходящих от места убийства, но ввиду преобладания в здешних местах подобного рода обуви у полиции мало надежды на поиски в этом направлении.

– Насколько профессиональной была работа ножом и топориком?

– Топорик свидетельствовал скорее о решительности, чем о каком-либо анатомическом или хирургическом опыте. Удар пришелся чуть в сторону от

центра грудины. С другой стороны, рана на шее свидетельствует либо о высокой квалификации, либо об удаче – сонная артерия аккуратно перерезана, отчего жертва быстро истекла кровью.

Колдмун неторопливо кивнул:

– Есть какие-нибудь версии?

– Нет.

Молчание затянулось. Наконец Колдмун снова заговорил своим монотонным голосом:

– А как насчет связи между жертвой и самоубийством той, на чьей могиле оказалось сердце?

– Я не нашел никакой связи. Ни общих знакомых, ни общих интересов, ни рабочих, ни личных отношений. Возможно, жертву выбрали случайно. И потом, эта странная литературная отсылка в записке.

Пендергаст сделал паузу, но Колдмун не задал ожидаемого вопроса. Вместо этого он сказал:

– В записке также говорится о том, что другие тоже ждут даров.

Глаза у него оказались не карие, а скорее золотисто-зеленые. Пендергаст обратил внимание, что они блуждают по комнате, как у скучающего школьника.

– И это предполагает, что здесь имеется какая-то связь. – Пендергаст помолчал. – А значит, часы тикают и нам нужно заниматься делом. Поэтому я предлагаю разделить и вести следствие в разных направлениях.

– Разделиться?

– Вы, например, могли бы расследовать обстоятельства смерти Монтеры – там еще много чего нужно выяснить, – а я займусь самоубийством Бакстер.

– Иными словами, я должен идти туда, где вы уже побывали.

– Вовсе нет, я только на минуту заглянул на место преступления. А нужно еще многое узнать о жизни миз Монтеры, о ее прошлом, ее знакомых, поговорить с ее экс-бойфрендом. Не исключено, что самую черную работу полиция для вас уже проделала. К тому же мне будет полезно увидеть все вашими глазами.

Глаза Колдмуна перестали обшаривать комнату и снова остановились на Пендергасте.

– Я бы предпочел работать рядом с вами.

Пендергаст посмотрел на него с изумлением:

– Это было бы неразумной тратой сил.

– Мы напарники, и у нас есть приказ работать совместно. Кстати, о приказах. Ответственный заместитель директора Пикетт попросил меня передать вам служебную записку.

Он вытащил из кармана и протянул Пендергасту запечатанный конверт, сложенный и слегка помятый.

Пендергаст молча взял конверт, вскрыл его и достал изнутри лист бумаги.

«СА Пендергасту:

В соответствии с моим вчерашним приказом вы должны тесно и непосредственно сотрудничать с агентом А. Б. Колдмуном, посвящать его лично во все направления следствия, куда бы они ни вели, осведомлять его обо всех ваших выводах или предположениях, вытекающих из данных следствия. Любое отклонение от этой схемы работы будет рассматриваться как неподчинение.

ОЗД Пикетт.

Пендергаст с непроницаемым лицом аккуратно сложил записку, поместил обратно в конверт и спрятал в карман своего черного пиджака.

6

Когда они вместе вышли из дома, Колдмун спросил:

– Как вы добрались сюда? Взяли машину напрокат?

Пендергаст показал на белый седан, припаркованный перед домом:

– Увы, да. Мне очень повезло, что вы появились именно сейчас: здесь сумасшедшее движение на дорогах и улицы петляют чисто по-кафкиански. Есть одно место, где мы должны быть через сорок пять минут, а я такой неважный водитель – уверен, что у вас это получится гораздо лучше, чем у меня. Вы не будете возражать? К тому же ваша машина, на мой вкус, гораздо лучше. – Он кивнул в сторону помятого «Мустанга-Шелби GT500», припаркованного Колдмуном у тротуара.

– Я пытался реквизировать у местного отделения какую-нибудь обычную машину, меня отправили в Управление по борьбе с наркотиками и, после того как я исписал тонну бумаги, выдали мне эту конфискованную тачку. Сказали, что лучше у них ничего нет. Не уверен, услуга это или шутка.

– Возможно, они предполагали, что она будет незаметна на фоне окружающей среды.

Колдмун посмотрел на арендованный «ниссан». Было похоже, что Пендергаст собирается его здесь бросить. Колдмун пожал плечами и прошел к водительской двери «мустанга». Пендергаст по привычке пошел было к задней двери, но увидел, что у машины нет задней двери, и открыл пассажирскую.

– Куда? – спросил Колдмун.

– На кладбище Бейсайд, пожалуйста. Бал-Харбор.

Пока Колдмун заводил данные в навигатор своего телефона, Пендергаст расположился как можно удобнее на пассажирском сиденье. Потом, громко потянув носом воздух, спросил:

– Вы не возражаете, если мы откроем окна? Кондиционер раздражает мои носовые каналы.

– Не возражаю.

– Спасибо. – Пендергаст опустил стекло. – Поскольку мы напарники, – продолжил он, – думаю, предпочтительнее обращаться друг к другу по имени. Меня зовут...

– Колдмун будет в самый раз, – ответил тот, отъезжая от тротуара.

– Отлично. Конечно, – сказал Пендергаст.

«Мустанг» ехал, как машина с низкой подвеской, его двигатель не урчал, а ревел, и каждая выбоина или горб, по которым они проезжали, казалось, увеличивалась в сотню раз. По дороге Пендергаст вводил напарника в курс расследования, проведенного местной полицией. Он связался с неким лейтенантом Сандовалом, главой убийного отдела, и тот уже предоставил ему целую стопку документов по убийству Монтеры с данными новых лабораторных исследований. Убийство казалось случайным и поспешным, но *modus operandi*[5 - Образ действия (лат.).] был ненормальным: мгновенное нападение указывало на спонтанный характер убийства, однако то, что убийца великолепно владел собой, и отсутствие каких бы то ни было улик наводило на мысль о противоположном.

Колдмун обнаружил, что описание Пендергастом здешнего уличного движения тоже соответствовало действительности. Ему удавалось избегать худших заторов благодаря онлайн-навигатору, советовавшему оставаться на 1-й магистрали, но, когда они пересекли береговой канал и оказались на острове, пробки стали неизбежным кошмаром из-за служебных машин, припаркованных в

три ряда перед отелями первой линии, безбашенных туристов и пожилых водителей, которым давно уже не стоило садиться за руль. Для того чтобы добраться до кладбища Бейсайд, потребовались все сорок пять минут, отведенных Пендергастом.

Наконец Колдмун свернул с Коллинз-авеню и направился на запад. Кладбище Бейсайд оказалось маленьким и относительно тихим: чуть более десятка акров пальм, магнолий и мексиканской лаванды и ряды аккуратно выстроенных надгробий в кружевной тени под деревьями. Колдмун проехал внутрь через ворота и припарковался на маленькой площадке, окруженной белыми райскими птицами. На парковке стояло еще несколько машин, некоторые из них служебные.

Пендергаст вышел из машины и кивнул полицейскому, который сидел в одной из машин и с любопытством смотрел на «шелби». А потом, вместо того чтобы сразу отправиться к могиле, на которую положили сердце Монтеры (Колдмун видел ее вдалеке как большой квадрат желтизны), Пендергаст отправился в казавшуюся беспорядочной прогулку по кладбищу, останавливаясь то тут, то там, оглядывая окрестности или изучая что-то в траве. Колдмун молча следовал за ним.

Пендергаст проходил мимо надгробий в своем черном костюме, приветственно кивая посетителям кладбища, словно представитель компании ритуальных услуг, и неуклонно продвигаясь к небольшому сараю с инструментами кладбищенских смотрителей. Он обошел его сзади, по-прежнему оглядываясь как бы невзначай, потом продолжил прогулку. Наконец он направился к могиле Элизы Бакстер. Теперь, когда они подошли ближе, Колдмун увидел небольшую группу людей, собравшихся у полицейской ленты. Их было пятеро, они выглядели смущенными и недоумевающими. По одежде и поведению они казались местными: Колдмун уже научился отличать туристов от местных жителей. По другую сторону ленты стояли двое полицейских в форме и разговаривали вполголоса, время от времени поглядывая на группу.

– Доброе утро, – сказал Пендергаст собравшимся. – Я специальный агент Пендергаст, а это мой коллега, специальный агент Колдмун. Спасибо, что пришли.

В ответ кивки, топтание на месте. По языку их тела Колдмун определил, что они не знакомы друг с другом; эти люди явно не ожидали, что станут частью какой-то группы.

– Причина, по которой я вас пригласил, – если не говорить о предоставленной вам возможности отдать дань уважения миз Бакстер, – состоит в том, что, не считая родителей, вы знали ее лучше, чем кто бы то ни было. Я хотел узнать, есть ли у вас какие-то мысли, почему ее погребли... э-э... выбрали для подобного дела, а также услышать ваше мнение насчет того, почему миз Бакстер решила уйти из жизни.

Он повернулся к ближайшей к нему персоне – дородной женщине средних лет в цветастом платье, со светлыми мелированными волосами:

– Не могли бы вы представиться, мадам?

Женщина оглядела других:

– Меня зовут Клер Хангерфорд.

– Откуда вы знаете миз Бакстер?

– Я работала с ней в компании по продаже недвижимости «Солнце и берег».

– Спасибо, – сказал Пендергаст. Его голос был буквально пропитан бальзамом южного аристократизма и обаяния. – И как вы познакомились?

– Мы обе специализировались на недвижимости в Корал-Гейблс. Я до сих пор работаю по этому направлению. На протяжении ряда лет мы получали за нашу работу «Серебряную пальму».

– «Серебряную пальму»?

– Это такая награда от фирмы агентам, добившимся наибольшего увеличения продаж.

– Понятно. Именно поэтому вас двоих отправили на конференцию в Мэн?

Женщина кивнула.

– Может быть, вы попытаетесь вспомнить, каково было душевное состояние Элизы Бакстер во время конференции?

Женщина нервно пригладила волосы:

– Даже не знаю, что сказать. Элиза была такой же, как всегда.

– То есть не делала ничего необычного? Не была какой-то особенно молчаливой или расстроенной?

– Нет. Но она вообще не отличалась разговорчивостью. Я вот о чем: я с ней два года проработала, но так толком ее и не узнала. Она никогда не была, что называется, душой компании, хотя...

– Да? – заинтересованно проговорил Пендергаст.

– Понимаете... я думаю, она тем вечером выпила многовато.

– Почему вы так думаете?

– Она рано ушла с банкета. Еще до последней презентации. Она сказала мне несколько слов, когда уходила, и я заметила, что походка у нее слегка неуверенная.

– Что конкретно она вам сказала?

Женщина моргнула, услышав вопрос:

– Она спросила, не хочу ли я вместе с ней съездить утром на автобусе в «Л. Л. Бин»[6 - «Л. Л. Бин» – название сети супермаркетов.].

– Понятно. И тогда вы видели ее в последний раз?

– Да.

Три следующих опроса прошли на такой же манер. Женщина, делившая с Элизой комнату во время учебы в колледже; подруга детства, жившая по соседству; мужчина, с которым она часто танцевала в студии «Артур Мюррей»[7 - «Артур Мюррей» – сеть танцевальных студий, названных именем американского танцора и бизнесмена.]. У всех них, как отметил Колдмун, сохранились относительно туманные и ничем не примечательные воспоминания об Элизе Бакстер: приятная молодая женщина, с претензиями, но сдержанная. Ничто в ее поведении не указывало на суицидальные наклонности, но ничто их и не исключало.

Наконец Пендергаст многословно поблагодарил всех и пожелал хорошего дня. Когда группа начала расходиться, он поднял руку, останавливая пятого человека, который до этой поры не произнес ни слова: мужчину лет шестидесяти, немного более неопрятного, чем остальные, в видавшей виды панаме, белой футболке и выцветших зеленых штанах.

– Карл Уэлтер? – спросил Пендергаст.

– Да, – ответил человек.

Голос его звучал сипло, свидетельствуя о многолетней привычке курить сигареты без фильтра.

– Вы знаете, почему я попросил вас прийти?

Человек несколько раз перевел взгляд с Пендергаста на Колдмуна и обратно, после чего сказал:

– Я эту мертвую знать не знал.

– Не знали. Но вы работаете здесь смотрителем, и как раз во время вашей смены – с полуночи до восьми утра – на ее могиле был оставлен тот предмет.

– Я уже говорил с полицейскими. Два раза.

– Я ознакомился с вашими показаниями. Вы сказали им... – Пендергаст достал из кармана что-то похожее на официальный документ и сверился с ним. – Вы

сказали, что находились близ сарая с инструментом, точили ножи газонокосилки, когда услышали скрежет металла, словно кто-то открыл калитку. Это произошло... – еще одно демонстративное заглядывание в документ, – между двумя и двумя пятнадцатью ночи. Вы, естественно, стали выяснять, что случилось, но стояла темная ночь, тучи закрыли луну, калитка оказалась запертой, и, короче говоря, вы не обнаружили ничего необычного.

– Именно так я им и сказал, – с легким вызовом ответил человек, кивая, чтобы придать больший вес своим словам.

– И солгали, – заметил Пендергаст все тем же масляным голосом.

– Какого черта... – прохрипел человек и замолчал.

– Прозрачная ложь, легко разоблачаемая. Я удивлен, что власти не пришли к вам в третий раз. Но, мистер Уэлтер, если вы будете честны со мной, я обещаю, что мы все закроем глаза на вашу опрометчивость.

Человек открыл было рот, собираясь возразить, но Пендергаст сложил бумагу, убрал ее в карман и продолжил:

– Пожалуйста, не тратьте время на возражения. Я поднял этот вопрос только для порядка, чтобы убедиться, что на этом кладбище больше нечего искать. Предмет, о котором идет речь, не был оставлен на могиле Элизы Бакстер в два часа ночи по той простой причине, что в то время он еще находился в груди его владелицы. Миз Монтеру убили после четырех часов. – Он помолчал, наблюдая за реакцией зрителя. – Хотелось бы все-таки узнать, почему вы солгали.

Взгляд зрителя беспокойно заметался между агентами.

Пендергаст намеренно продлевал многозначительное молчание. Но когда он набрал в грудь воздуха, собираясь заговорить, внезапно вмешался Колдмун.

– Вы просто отсыпались, – сказал он зрителю.

Оба – Уэлтер и агент Пендергаст – уставились на него.

Колдмун продолжил:

– Ваша смена началась в полночь. Если взять в расчет две упаковки по шесть банок «Пабст блу риббон», которые вы выпили, то к середине смены содержание алкоголя у вас в крови достигло приблизительно два промилле, то есть вы были в таком состоянии, что не заметили бы никакого беспорядка и уж точно не стали бы ничего проверять.

– Вы... – снова начал было смотритель, но и на этот раз не нашелся что сказать.

– На самом деле вы солгали, будто слышали что-то, так как не хотели, чтобы администрация узнала о вашей привычке выпивать на работе. Это так?

Никто не шелохнулся.

– Просто кивните, если я прав, мистер Уэлтер, – сказал Колдмун. – Одного раза будет достаточно.

Мгновение спустя смотритель едва заметно кивнул.

– Отлично, – сказал Колдмун и посмотрел на Пендергаста. – Вы хотите спросить что-то еще?

– Нет, спасибо, – ответил Пендергаст.

В полном молчании они поехали на юг. Когда миновали Норт-Бич, Колдмун наконец спросил:

– Где вы остановились?

– В «Фонтенбло». А вы?

– В «Холидей Инн».

– Примите мои соболезнования.

– Тогда я должен спросить: Бюро принимает ваши чеки?..

– Нет, не принимает. Насколько я понимаю, ваш отель дальше моего, поэтому, пожалуйста, высадите меня. Я попрошу лейтенанта Сандовала прислать еще одну копию дела – для вас – и новые данные лабораторных анализов. Мы сможем вернуться к ним сегодня попозже. Вас устраивает?

– Безусловно.

Еще минуты через две Колдмун почувствовал, что бледные глаза Пендергаста остановились на нем.

– Вы знаете, почему я попросил тех людей собраться группой, а не по отдельности, да еще и на могиле?

– Нет.

– Мм... – Пендергаст откинулся на спинку сиденья.

– Но если бы я готовил подобное собрание, – сказал Колдмун, – то сделал бы это по двум причинам. Во-первых, чтобы лишить их душевного спокойствия, вынуждая их давать показания в присутствии свидетелей и к тому же у могилы старого друга. Такие вещи пробуждают в людях суеверия – они остерегаются лгать о друге над его могилой. И во-вторых, чтобы не тратить на их расспросы больше времени, чем необходимо, если бы я понял, что им нечего добавить к расследованию.

– Превосходно, – заметил Пендергаст и погрузился в молчание приблизительно на минуту, прежде чем снова заговорить. – А как вы узнали, что смотритель, как вы выразились, «отсыпался»?

– Точно так же, как и вы: за его будкой лежало двенадцать пустых банок. После убийства началась суматоха, у смотрителя не было возможности избавиться от них, и он просто сунул их туда в надежде, что никто не заметит. И решил поднапустить для копов туману, якобы он бодрствовал.

С пассажирского сиденья не донеслось ни звука.

– Вы ведь тоже так узнали, да? – спросил Колдмун.

– А, вот мы и приехали! – неожиданно воскликнул Пендергаст, когда показалась обширная парковка для прибывающих к «Фонтенбло» автомобилей.

Колдмун остановился, и Пендергаст вышел из машины.

– Скажем, в три часа у бассейна? – спросил он.

– Отлично.

Пендергаст закрыл дверь. Потом подошел к водительской двери и оперся локтем о крышу.

– Насчет тех пустых пивных банок, – сказал он, чуть наклонившись. – Похоже, ваш рыскающий глаз указывает на внимание к деталям, а не на отсутствие интереса. Как мне повезло!

– Что... – начал было Колдмун.

Но Пендергаст уже отвернулся и, не сказав больше ни слова, исчез среди людей, толкущихся у входа в отель.

7

В четверть четвертого агент Алоизий Пендергаст сидел в отдельной кабинке под похжей на запятую громадной тенью Замковой башни «Фонтенбло». Стенки кабинки из тонкого полотна были опущены, и Пендергаст мог видеть пальмовые деревья и загорающих только в направлении океана. Но никакие виды его не интересовали, и, хотя его шезлонг был повернут к свету, глаза Пендергаста были закрыты и отчасти спрятаны под панамой «монтекристо» исключительно тонкого плетения.

Снаружи до него донесся шорох, потом появился официант.

– Сэр? – сказал официант, перекрывая своим голосом гул разговоров вокруг.

Пендергаст открыл глаза.

– Извините за беспокойство. Не хотите ли еще джулепа?

– Спасибо. Только попросите бармена на сей раз взять за основу «Вудфорд резерв» и сахара добавить поменьше, а мяты побольше.

– Сэр. – Официант исчез.

Пендергаст поднял руку и опустил край шляпы немного ниже, а потом опять застыл в неподвижности. Его обычный черный костюм сменился на белый льняной. Пендергаст полулежал, небрежно положив ногу на ногу, и металлические пряжки на легких туфлях крокодиловой кожи отливали на солнце золотом.

Он оставался неподвижен, пока официант заменял ему стакан. Он не шевелился, когда время от времени раздавались крики и вопли из бассейнов вокруг него. Но когда одна конкретная тень легла на стенку его кабинки, он открыл глаза.

– Агент Колдмун, – сказал он. – Как я рад снова вас видеть.

Колдмун, появившийся у открытой части кабинки, кивнул.

– Прошу, садитесь. Не хотите ли?.. – Пендергаст плавным жестом указал на маленький поднос с финиками, начиненными козьим сыром и завернутыми в тонкие, хрустящие ломтики бекона.

Колдмун вошел в кабинку и неловко уселся на край шезлонга:

– Нет, спасибо.

Пендергаст помахал проходящему мимо официанту:

– Тогда что-нибудь выпить?

– Не сейчас.

Колдмун тоже переоделся – в выцветшие джинсы, кожаный пояс с литой пряжкой навахо, поношенные ковбойские сапоги и джинсовую рубашку с длинным рукавом. Под мышкой у него была зажата пачка бумаг.

– А, – сказал Пендергаст, показывая на бумаги. – Домашняя работа.

Колдмун ничего не ответил.

Пендергаст взял финик и изящным движением послал себе в рот.

– Мне вот что любопытно. У вас есть какие-нибудь, как вы выразились сегодня утром, версии?

Колдмун положил папку на шезлонг:

– Вскрытие не добавило ничего нового. Результаты токсикологической экспертизы будут готовы через какое-то время, но вряд ли мы найдем там что-нибудь полезное. Проверка прошлого и первоначальные опросы не выявили ничего настораживающего, никаких заинтересованных лиц, у которых были бы причины убивать ее.

Пендергаст кивнул.

– В общем, все как вы и сказали, – продолжил Колдмун. – На первый взгляд убийство Монтеры указывает на признаки как организованного, так и дезорганизованного поведения.

– Занятно, правда?

Колдмун вытянул губы:

– С одной стороны, случившееся выглядит как случайное, импульсивное действие социопата. А с другой – место преступления тщательно зачищено, на нем нет никаких полезных улик, кроме тех, что преступник оставил для нас намеренно.

Поблизости раздался вскрик, за ним – всплеск воды и смех, а потом быстрый взрыв итальянской речи. Пендергаст с интересом отметил, что Колдмун обладает необыкновенной непроницаемостью. Он неподвижно сидел на краешке шезлонга, словно исполнившись решимости противиться его комфорту. Как обычно, его зеленые глаза не задерживались на одном месте.

– Почему «на первый взгляд»?

– Потому что социопаты не испытывают сожаления. Их определяющая характеристика – полное отсутствие сочувствия к другим людям. Тут есть противоречие.

– В чем?

– В записке на могиле.

– Acta est fabula, plaudite![8 - Рукоплещите, комедия закончена! (лат.)] – продекламировал Пендергаст. – Именно это меня и беспокоит. Зачем социопату убивать кого-то случайного, с такой впечатляющей жестокостью, для того чтобы оставить подарок на могиле с запиской, исполненной печали и покаяния? И как он сделал свой выбор, агент Колдмун? Убить миз Монтеру там, где он ее убил, означало, что ему предстояло доставить ее сердце в место, отстоящее от места убийства на десять миль, и в условиях дефицита времени. Почему бы не поискать жертву где-нибудь поближе?

– Возможно, он играет с нами. Записка и даже могила могут быть для отвода глаз.

– Да. И поэтому мы должны отправиться в Мэн.

Колдмун поднял брови. На его бесстрастном лице даже скупое движение говорило о многом.

– Так. Кажется, вы хотите возразить?

Ответ Колдмуна, прозвучавший не сразу, был тщательно обдуман.

– Расследование самоубийства Элизы Бакстер – насколько я понимаю, такова ваша идея – в данный момент не представляется мне необходимым.

– Но посмотрите: свидетельства, полученные по результатам расследования убийства миз Монтеры, никуда нас не привели.

– Однако они продолжают поступать. Преступлению всего тридцать шесть часов.

– Тем больше оснований поспешить. Дело не может ждать еще тридцать шесть часов, когда полиция Майами-Бич получит данные лабораторных анализов. Вскоре могут произойти новые убийства.

– При всем уважении, агент Пендергаст, Бюро не расследует такие дела подобным образом. Преступление было совершено здесь. Здесь мы и должны искать убийцу, в особенности если он может нанести новый удар.

Пендергаст несколько секунд молчал, потом задумчиво глотнул своего мятного джулепа.

– Я опасался, что вы это скажете. Но есть огромная разница между поисками убийцы и его обнаружением. Кто знает, где убийца проявится снова? Следующий удар, если он состоится, вполне может быть нанесен на Аляске. Нет, лучшее место, чтобы взять его след, – оно там, где все начиналось, где покончила с собой Элиза Бакстер. В поисках истоков нашего Нила мы должны уподобиться Дэвиду Ливингстону[9 - Дэвид Ливингстон (1813–1873) – шотландский врач и миссионер, исследователь Африки.].

– Отличная метафора. Но даже если я соглашусь с вами, тут есть одна проблема.

Агент Пендергаст распрямил ноги:

– Я полагаю, вы говорите о нашем друге Пикетте.

Колдмун кивнул.

– Простите меня, но я не привык ходить на поводке. – Пендергаст пригубил еще джулепа. – Скажем, это было просто предложение. Может быть, вам стоит позвонить ему и получить отказ немедленно. Потому что позднее это испортит мне аппетит перед обедом.

Колдмун несколько мгновений оглядывал интерьер кабинки, потом достал телефон, набрал номер и включил негромко динамик.

После третьего гудка раздался ответ:

– Пикетт слушает.

– Сэр, это специальный агент Колдмун. Наш разговор слышит специальный агент Пендергаст.

– Отлично. Есть какой-нибудь прогресс?

Колдмун не стал тратить время попусту:

– Сэр, агент Пендергаст считает, что мы должны отправиться в Мэн.

– В Мэн? На кой черт?

Одним гибким движением Пендергаст скинул ноги с шезлонга.

– Сэр, – сказал он, наклонившись к телефону, – я считаю, что местные власти хорошо ведут следствие, а я бы хотел исследовать связь между двумя этими женщинами.

– Связь? Судя по тому, что я видел, убийца выбрал ту могилу случайно.

– Как мы можем быть в этом уверены?

– А какая между ними может быть связь? – нетерпеливо спросил Пикетт.

– Мы пока не знаем. Я подал запрос на эксгумацию тела миз Бакстер, но ее родители возражают. И...

– И я не удивлен. Вы на что намекаете: что она не кончала с собой? Что ее убили? Это ваша «связь»?

– Как я и сказал, ответ может дать только эксгумация.

– Вам вполне хватит отчета патологоанатома и первичного вскрытия. Перестаньте сосредоточиваться на этом самоубийстве и забудьте идею об эксгумации. Вы должны расследовать убийство, которое произошло в Майами. Вы уже говорили с родственниками погибшей... как ее, Монтойя?

– Монтера. Нет, не говорили. Но и я, и агент Колдмун читали расшифровку их беседы с местной полицией, и они...

– Откровенно говоря, агент Пендергаст, именно подобных опрометчивых действий я и опасался. Вроде чартера частного джета, чтобы прибыть в Майами на двенадцать часов раньше.

Пауза. Пендергаст ничего не ответил.

– Даже если допустить вашу правоту, ваш приоритет явно в том, чтобы расследовать свежее убийство, а не самоубийство десятилетней давности в полутора тысячах миль от Майами. Я не могу утвердить вашу командировку в Мэн. Вы можете запросить в Мэне все необходимые материалы. Если найдете что-то, тогда летите.

– Материалы, которые есть в Мэне, скорее всего, бесполезны...

– Агент Пендергаст, это расследование будет вестись по правилам. А теперь...

– Сэр, – вмешался Колдмун. – Я согласен с агентом Пендергастом.

После секундной паузы голос из Нью-Йорка сказал:

– Согласны?

– Полиция Майами-Бич, похоже, тщательно ведет следствие и имеет всю необходимую поддержку полиции Майами. Тут есть окно возможностей. Думаю, мы должны им воспользоваться и проверить эту версию.

– Но я уже сказал – выбор жертвы и могилы мог быть сделан случайно.

– Я согласен с тем, что одна из двух составляющих может быть случайной, – сказал Колдмун. – Но сомневаюсь, что случайны обе. Похоже, письмо адресовано именно Бакстер.

Следующая пауза стала еще длиннее.

– Отправляйтесь с самого утра, – хриловато произнес Пикетт. – И коммерческим транспортом. Но перед этим вы должны лично побеседовать с семьей Монтеры.

– Ясно, сэр.

– И еще, агент Колдмун. Я не хочу, чтобы вы торчали в Мэне дольше двадцати четырех часов, прежде чем сядете на самолет до Флориды.

Раздался щелчок, и телефон отключился.

Пендергаст медленно поднял глаза на Колдмуна:

– Я думал, что вы не согласны с моим предложением.

– А кто говорит, что я согласен?

– Тогда почему?..

– Я заодно с моим напарником.

– Агент Колдмун, я уверен, в вас есть неожиданная глубина.

Колдмун пожал плечами. Потом поднял руку, останавливая проходящего официанта:

– Принесите мне бутылочку «Грейн Белт», пожалуйста. Комнатной температуры, не охлажденное. – Он откинулся на спинку шезлонга и переплел пальцы. – Поскольку предполагается, что мы сейчас не при исполнении, я, пожалуй, выпью.

8

– No puedo dormir[10 - Я не могу спать (исп.)], – сказала миссис Монтера, промокая глаза рваным носовым платком.

Она промокала глаза практически ежеминутно, с тех пор как Колдмун появился в маленькой квартире на Юго-Западной Одиннадцатой улице часом ранее, когда солнце начало погружаться в розовую дымку. Теперь все сидели за выдавшим виды кухонным столом: Колдмун, плотно сложенная миссис Монтера и двое ее оставшихся детей – Николас и Арасела.

Хотя Колдмуна иногда принимали за испанца, он не знал испанского языка, а еще меньше знал о кубинской культуре в Майами. Он почувствовал облегчение, когда, несмотря на армию детективов, прошедших сегодня через эту квартиру до него, Монтера приветствовали его, терпеливо ответили на вопросы и предложили накормить обедом. Он отказался раз, второй, но в конечном счете позволил подать ему конгри и тамале[11 - Конгри – кубинская еда, рис с бобами; тамале – тесто из кукурузной муки, обернутое кукурузными (или банановыми) листьями, приготовленное на пару?].

Он никогда не бывал в квартирах, выкрашенных в такие яркие тона и с таким изобилием распятий и всевозможных статуэток. В сравнении с этой квартирой дом его детства казался монохромным. Квартирка, несмотря на тесноту, имела ухоженный вид, и Колдмун чувствовал гордость в каждой малейшей детали: в том, как на полке над столом расставлены сковородки, в безукоризненной коллекции выцветших фотографий родни, давно уже ушедшей в мир иной. Родители миссис Монтеры, старые и слабые, оба спали в задней комнате, изнуренные скорбью, и Колдмуну не хватило духа потревожить их: его

воспитали в традиции тиоспайе индейцев оглала[12 - Оглала – одно из семи лакотских племен. Тиоспайе – лакотское слово, в переводе означающее «большая семья» («extended family»).], и он не хотел навязывать себя большой семье Фелиции Монтеры. К тому же он знал, что им нечего ему сказать.

К сожалению, никто из них не мог сообщить ему почти ничего нового. Семья уже ответила на все те же вопросы, заданные им полицией, но они терпеливо пережевывали известные факты. Николас работал механиком в автомастерской неподалеку, а Арасела, потерявшая место бухгалтера, когда закрылся магазинчик, в котором она работала прежде, приносила деньги в семью, подрабатывая в качестве няни. Фелиция, самая честолюбивая из всех детей, работала дипломированной медицинской сестрой и уже прослушала необходимый курс для перевода ее в фельдшеры. Хотя у нее оставались друзья на Кубе, немало близких людей появилось у нее и в Майами; большую часть времени она проводила на работе в больнице или за учебой. Несколько остающихся свободных часов посвящала семье или бойфренду Лансу, пока они не расстались.

Когда заговорили о Лансе, атмосфера за столом сгустилась. Николас что-то пробормотал по-испански себе под нос.

Несмотря на откровенно враждебное отношение семьи к Лансу, они о нем почти ничего не знали. Фелиция явно не посвящала родню в детали своих отношений с парнем, а в дом она привела его только раз, и неприязнь проявилась сразу же, так что приглашать его во второй раз она и не пыталась. Они познакомились с Лансом полгода назад неподалеку от «Маунт-Синая», в клубе, где он работал «дверным», иначе – вышибалой. Два месяца назад его выгнали, а еще через две недели Фелиция с ним рассталась. И опять она не стала вдаваться в подробности, хотя и упомянула какие-то денежные проблемы, но Николас считал, что ее больше всего отпугнул нрав Ланса.

– Он заходил, – рассказывал Николас, пока мыл посуду. – Деньги – всегда деньги. Иногда просил дать ему в долг немного, иногда просил вернуть долг. Даже когда они разбежались, этот comemierda[13 - Негодяй (исп.).] все равно заходил. – Он сплюнул в раковину.

– Вы не знаете, когда они встречались в последний раз? – спросил Колдмун.

– Она мне говорила – недели три-четыре назад. Он ее остановил у больницы.

– Зачем?

– Все то же. Заявил, что она должна ему какие-то деньги. Они поругались, она пригрозила вызвать полицию. – Николас покачал головой.

– Как его фамилия?

– Корбин.

– Корвин, – поправила его сестра.

– Не знаете, чем он теперь занимается?

– Фелиция говорила, устроился работать в другой клуб. Кажется, называется «Эдж».

– Это где?

Николас задумался на секунду.

– На Кейп-Корал.

– Я полагаю, вы все это сказали полицейским?

Николас и Арасела кивнули.

Колдмун встал:

– Спасибо, что еще раз прошли через это со мной. Я вам очень сочувствую, и мы сделаем все возможное, чтобы преступник предстал перед судом.

Миссис Монтера, продолжавшая промокать глаза, попыталась было завернуть несколько тамале, чтобы дать Колдмуну с собой, но он мягко отказался.

– Encuentra al hombre que hizo esto[14 - Найдите того, кто сделал это (исп.)], – сказала она, пожимая ему руку.

Выйдя на улицу, Колдмун отыскал «Эдж» в своем смартфоне, позвонил и попросил Ланса Корвина.

– Он сейчас вроде как занят! – проорал голос, перекрикивая грохочущую музыку. – Попробуйте позднее.

– Когда вы закрываетесь?

– В три.

Садясь в «мустанг», Колдмун посмотрел на часы: шел девятый час. В качестве подозреваемого Ланс Корвин выглядел слишком хорошо, чтобы быть правдой; впрочем, исключать его тоже не следовало. Колдмун вспомнил, что Кейп-Корал находится поблизости. Если повезет, он побеседует с Корвином, снимет с него показания и к девяти вернется в номер своего отеля.

Вечер обещал быть великолепным. Глядя вполглаза, Колдмун ввел в навигатор название клуба, бросил телефон на пассажирское сиденье и тронулся с места. Хотя он не сказал об этом Пендергасту, но его раздражало то, что он не побывал на месте убийства Фелиции Монтеры. Разговор с семьей хотя бы помог ему воссоздать человеческий образ жертвы, а это было очень важно для него и делало трагедию ее смерти еще значительнее.

Направляемый успокаивающим голосом навигатора, Колдмун выехал с переполненных боковых улочек Маленькой Гаваны на главную улицу, интенсивность движения на которой через несколько миль, к счастью, уменьшилась. Задним числом он порадовался тому, что согласился разделить следовательскую ответственность с Пендергастом. Старший агент оставался в своем номере в «Фонтенбло» – обзванивал старых знакомых Элизы Бакстер. Колдмун знал, как работают такие штуки: одно знакомство выводит на другое, другое – на следующее. Пендергаст может провисеть на телефоне полночи, пока Колдмун будет видеть сладкие сны.

Убаюканный своими мыслями, Колдмун заметил какой-то непорядок, только когда навигатор направил его к западному въезду на федеральную трассу I-75. Что за черт? Перед ним тянулось шоссе, разделенное на две части, оно исчезало в полной темноте, и лишь свет фонарей на столбах время от времени разрывал эту монотонность.

Колдмун быстро съехал на обочину, справился со своим смартфоном и испустил ряд особенно сочных лакотских проклятий. Кейп-Корал находился не рядом с Корал-Гейблс или Корал-Спрингс, с которыми Колдмун его перепутал, – нет, его пункт назначения находился чертовски далеко на западном берегу штата, на дальнем конце прямой как стрела ленты шоссе, известного под названием Аллигаторная аллея.

Аллигаторная аллея?

– Матерь благая совокупления, – пробормотал Колдмун.

Сто сорок пять миль. По два с половиной часа в каждую сторону.

Он прикинул, не пересечь ли ему разделительную полосу, чтобы вернуться в свой отель. Но тут же понял: из этого ничего не получится. Беседа с бойфрендом была крайне важна, даже если полицейские успели отработать эту площадку. Он уже пообещал Пендергасту, что поговорит с бойфрендом. И ни в коем случае не мог дать поблажки ни одному подозреваемому, даже если его совесть допускала такое.

Колдмун вздохнул, нажал на газ, вернулся на шоссе и поехал дальше на запад. Прошло несколько минут, и исчезли даже встречные машины, компанию ему составляли лишь высокие фонарные столбы. Справа и слева лежала крошечная тьма. Он позволил стрелке спидометра подняться до восьмидесяти, потом до девяноста, а потом перепрыгнул через сотню. Если его остановит полицейский, то надо надеяться, что коллега по охране закона спустит ему с рук это правонарушение. Если не спустит... что ж, это будет в духе нынешнего вечера.

Было уже пол-одиннадцатого, когда Колдмун припарковал «шелби» на месте для сотрудников «Эдж», прямо перед дверью. Здание «Эдж» показалось ему похожим на заброшенный нефтехимический завод, немного приукрашенный

неоном. За бархатной лентой, ведущей к входной двери, ждала очередь, одетая как для вечеринки. По сторонам двери, из которой доносились приглушенные звуки танцевальной музыки, стояли двое громил в джинсах и коже. Настроение Колдмуна после езды по Аллигаторной аллее ничуть не улучшилось.

К окну его машины подошел парковщик:

– Ключи?

– Где Ланс Корвин? – спросил Колдмун.

– Вот он, – ответил парковщик, показывая на одного из мужчин в кожаной жилетке.

– Я хочу с ним поговорить.

Он взял телефон с сиденья, открыл дверь и вышел.

– Сэр, вы не можете оставлять вашу машину...

– Я сказал: передайте ему, что я хочу с ним поговорить.

Но Корвин уже услышал их обмен репликами и направился к ним. Он не слишком-то ласково отодвинул парковщика:

– Ну?

– Ланс Корвин?

– И что?

– Я агент Колдмун, ФБР. – Колдмун прикинул, нужно ли доставать жетон ФБР из заднего кармана, и решил, что не стоит заморачиваться на этот счет. – У меня к вам несколько вопросов о Фелиции Монтере.

Лицо вышибалы посуровело.

– Копы меня об этом уже спрашивали.

– Рад за них. Теперь спрошу я.

– Позапрошлой ночью я работал здесь. Меня миллион народу видел.

– Может быть. Но клуб закрывается в три. А миз Монтеру убили не раньше четырех.

– Корвин! – позвал второй вышибала, махая ему рукой. – Скажи этому козлу, чтобы убрал оттуда машину, и возвращайся сюда!

– Чтобы пересечь штат, нужно потратить час. Вы думаете, у меня крылья есть или что? – спросил Корвин.

– Может быть, той ночью вы ушли с работы чуть раньше.

Корвин сложил на груди мощные руки.

– Слушайте, – сказал он, – я эту телку не убивал. Ясно? Ответ на вопрос дан. А теперь убирайте отсюда вашу сраную машину.

События прошедшего вечера: чувство утраты в квартире Монтеры, безутешное выражение на лице матери жертвы, утомительная поездка по унылому ландшафту – все это соединилось в одно. Обычно флегматичный Колдмун сделал шаг к Корвину, подошел так близко, что его грудь почти коснулась сложенных на груди рук вышибалы. Он приблизил лицо к лицу Корвина и прошептал:

– Ты сказал «сраная машина»? Про мой «шелби»?

Хотя вышибала превосходил Колдмуна ростом и весил по крайней мере на пятьдесят фунтов больше, инстинкт самосохранения заставил Корвина медленно опустить руки. Но он не отступил.

– Никакой закон не запрещает крепкие словечки, – произнес он неуверенно.

Не сводя взгляда с лица Корвина, Колдмун вытащил свой телефон:

– Пока мы тут решаем, в какой степени применим закон к моей восьмисотпятидесятилетней «суперзмее», я вызову мирового судью и получу ордер. А потом мы поедem в Майами, где проведем вместе остаток ночи в маленькой комнате с очень ярким светом.

– Эй, постойте! У меня есть доказательство. – Корвин наконец отступил и сунул руку в передний карман джинсов. Вытащив какую-то бумагу, он развернул ее и протянул Колдмуну. – Мне это выписали, когда я ехал домой в ночь убийства Фелиции.

Колдмун принялся рассматривать бумажку. Это был вызов в суд в связи с нарушением правил дорожного движения. Позавчерашней ночью Корвина оштрафовала полиция Кейп-Корал за превышение скорости. Время нарушения было обозначено в повестке: 3 часа 50 минут.

Колдмун разглядывал повестку еще несколько секунд, потом сфотографировал ее на свой смартфон. Молча глядя в лицо Корвина, он разжал пальцы и выпустил повестку из рук – бумажка, порхая, упала на туфли вышибалы. И тогда Колдмун вернулся в машину, завел двигатель, тронулся с места и мысленно приготовился к долгой унылой езде в темноте до Майами.

Охотничий домик в Катадине располагался не совсем рядом с горой, носившей то же название, что и город. Он находился за много миль от Бакстер-Стейт-парка, на краю бесконечного леса, неподалеку от федеральной трассы. Колдмун с трудом мог себе представить место, более непохожее на Майами-Бич. В Мэне прошедшей зимой выпало много снега, и, хотя уже заканчивался март, всюду еще виднелись снежные наносы; почтовые ящики, дровяные сараи, даже легковушки и трейлеры были всего лишь протуберанцами в снежном покрове. На очищенных улицах небогатое разнообразие в цветовую гамму вносил песок, придававший снегу зловеще-красный оттенок. Позднее утро здесь напомнило Колдмуну долгие зимы времен его детства в Поркьюпайне, в Южной

Дакоте.

Он остановил взятую ими напрокат в аэропорту машину на парковке гостиницы. Площадку расчистили без особого усердия, и большой указатель с названием лишь наполовину виднелся за нанесенными ветром сугробами. На парковке стояли всего три машины. Одна из них – патрульная полицейская.

Агент Пендергаст, сидевший на пассажирском сиденье, отстегнул ремень безопасности:

– Выходим?

Колдмун вышел на морозный воздух: двадцать градусов ниже нуля, не считая ледяного ветра.

Они почти не разговаривали в самолете и еще меньше – по пути из аэропорта. Колдмун сообщил Пендергасту о своих действиях прошлым вечером – предмет, о котором он не хотел особенно распространяться. Пендергаст в свою очередь вкратце описал, как он нашел в районе Майами еще шесть знакомых и коллег Элизы Бакстер. Все, с кем он разговаривал, помнили Элизу как тихую молодую женщину, чье самоубийство стало для всех полной неожиданностью.

Они прошли по скользкой тропинке к входу. Пендергаст был упакован в гигантскую куртку, в которой стал похож на Мишленовского человека[15 - Мишленовский человек, или Бибендум – официальный символ и торговая марка производителя покрышек фирмы «Мишлен»]. Колдмун опознал эту куртку как «Снежную мантру» от фирмы «Канада гуз», на пуху и с капюшоном, подбитым мехом койота. Она рекламировалась как самая теплая одежда на земле и продавалась по цене от полутора тысяч долларов. Колдмун недоумевал, где в Майами Пендергасту удалось столь быстро приобрести такую. Сам же он чувствовал себя вполне комфортно в купленной двадцать лет назад в «Уолмарте» куртке, лоснящейся и выцветшей, местами заклеенной скотчем.

Словно читая его мысли, Пендергаст повернулся к нему лицом, невидимым в чересчур большом капюшоне:

– Вы человек из холодных краев, я полагаю?[16 - Здесь обыгрывается фамилия Колдмун, в переводе означающая «холодная луна».]

Колдмун пожал плечами.

– Вам точно следует вложиться во что-нибудь подобное. – Пендергаст похлопал себя по светоотражающей груди. – Любимая одежда исследователей Южного полюса. И даже я доволен количеством карманов.

Он открыл дверь, и его окутало облако теплого воздуха, вырвавшегося из помещения. Они вошли в темный вестибюль, в котором все поверхности мебели, даже стол портье, были укрыты полиэтиленовой пленкой. В воздухе пахло опилками и нафталином. Колдмун отметил, что вестибюль довольно большой, но, судя по поцарапанным рамам пейзажей на стенах и слегка потертому ковру, гостиница знавала лучшие дни. Из открытой двери за столом портье доносился тихий гул разговора.

Когда раздался стук захлопнувшейся двери, разговор резко прекратился. Через секунду-другую из двери вышли трое. Первый – грузный человек лет пятидесяти с большим гак, в красном свитере на пуговицах и поношенных вельветовых брюках. За ним шла женщина приблизительно того же возраста, костлявая в той же мере, в какой был грузен мужчина. Платье на ней фасоном напоминало одежду горничной. Последним появился полицейский в форме, лысый и очень низкорослый, с картонной папкой в руке.

Мужчина и женщина немного неуверенно улыбнулись новоприбывшим. Полицейский просто кивнул.

– Хорас Янг? – заговорил Пендергаст голосом, приглушенным курткой. – Кэрл Янг? – Он шагнул вперед, снимая массивную рукавицу и протягивая руку. – Я специальный агент Пендергаст, а это мой коллега, специальный агент Колдмун.

Они по очереди пожали протянутую руку. Пендергаст расстегнул молнию на капюшоне, откинул его назад и повернулся к полицейскому:

– А вы?..

– Сержант Уэйнтри, – представился коп. Он посмотрел на Колдмуна. – Вчера днем я разговаривал по телефону с агентом... мм... Колдмуном.

– Спасибо, что без промедления отозвались на нашу просьбу. – Пендергаст оглядел вестибюль. – Я вижу, вы не ждете гостей.

– Используем зиму, чтобы навести здесь порядок, – объяснил Хорас.

Колдмун отметил, что, несмотря на тепло в доме, Пендергаст не расстегнул куртку.

– Давайте не будем тратить ваше время больше чем необходимо, и если вы не возражаете, то позовите остальных, и мы сразу же начнем.

– Больше никого нет, – сказал Хорас.

Пендергаст посмотрел на Колдмуна.

На его безмолвный вопрос ответил сержант Уэйнтри:

– Ваш напарник просил меня собрать всех, кто работал здесь, когда эта женщина, Бакстер, покончила с собой.

– И вы собрали только Янгов? – спросил Пендергаст. – А персонал? Повара и официанты?

– В то время поваром у нас работал Болтон, – ответила женщина. – Он давно уехал, нашел себе новую работу в гостинице в Северной Каролине. Донна и Матти – официантки – обе на пенсии. Уехали куда-то с детьми, больше я ничего о них не знаю.

– Хозяйственный персонал?

Мистер Янг переместил свой вес с одной ноги на другую.

– Уилли умер в позапрошлом году. Рак его доконал.

– Горничные?

– Я была старшей горничной, – ответила женщина. – Потом вышла за мистера Янга. – Она кокетливо улыбнулась.

Колдмун поймал себя на том, что смотрит на ее тощую шею. Почему-то ее шея навевала ему мысли о чайке.

– Бизнес у нас процветает главным образом летом и осенью, – пояснил Янг. – Туристы, орнитологи, любители природы, собиратели гербариев. На зиму и весну мы закрываемся. Трудно держать в штате людей, которые работают только полгода. Мы обычно нанимаем студентов. Они неплохо работают, когда их подучишь. Некоторые работают всего одно лето, другие – по два.

– Да и бизнес немного просел, – подхватила женщина. – Полеты в Европу стоят теперь гроши.

Если Пендергаст и был разочарован тем, что свидетельские показания будут столь скудными, он никак этого не показал.

– Понятно, – сказал он с едва заметной улыбкой. – Если вы не возражаете, давайте начнем с ваших книг.

Янги переглянулись.

– Мы не против. Но к несчастью, регистрационные журналы и бухгалтерские книги сгорели несколько лет назад во время пожара. У нас мало что сохранилось, кроме старых компьютерных файлов. – Он постучал по стопке распечаток.

Пендергаст вскинул брови:

– И что же это был за пожар?

– В кухне загорелся жир на плите. Мы быстро погасили огонь, но старые папки хранились в сарае рядом с кухонной вентиляцией и сгорели.

– А у вас? – обратился Пендергаст к полицейскому.

Тот поднял свою папку:

– Вот здесь все дело. Допросы, фотографии и остальное.

В течение следующего получаса Пендергаст и Колдмун просматривали журналы отеля, какие уж остались, за период в два месяца – по месяцу назад и вперед от даты смерти Элизы Бакстер. Пендергаст снял все страницы на свой телефон. Янги ждали поблизости, отвечая на вопросы, когда возникала необходимость. На их лицах застыла смесь любопытства с легким смущением. Сержант Уэйнтри наблюдал с некоторого расстояния, сложив руки и помалкивая. Колдмуну он казался типичным жителем штата Мэн – островитянин по природе, независимый, неразговорчивый. А кроме всего прочего, он отличался подозрительностью и ершистостью, как ему и полагалось с учетом того, какую тощую папку он принес по делу о самоубийстве. Колдмун знал, что самоубийства расследуются спустя рукава, но даже и по этим меркам полиция сделала самый минимум того, что требовалось, пусть и в таком недоукомплектованном, маленьком отделении.

Пендергаст начал задавать вопросы самим хозяевам. Оба помнили ту ночь, когда умерла Элиза Бакстер, правда лишь в общих чертах. Да и то потому, что случилось самоубийство. Агенты по продаже недвижимости из «Солнца и берега» собрались на обед с вечеринкой в небольшом банкетном зале гостиницы в самом конце сезона. Насколько помнили Янги, гости прекрасно проводили время. Ничего выходящего за рамки не происходило – ни споров, ни громких голосов, разве что случались взрывы хохота. Никто вроде бы не напился. Никто не помнил, чтобы Элиза Бакстер попалась ему на глаза; впрочем, у них не было причин обращать на нее внимание.

А вот что касается следующего утра, то воспоминания о нем у Кэрол Янг остались очень ясные. Именно она, в то время горничная, нашла тело, висевшее на штанге для занавески в ванной. Женщина определенно была уже мертва: глаза открыты, язык высунут. Кэрол взвизгнула и упала в обморок. Ее крик услышали обитатели соседних номеров. Хорасу Янгу, когда он увидел, что Элиза Бакстер мертва, хватило здравого смысла закрыть дверь в номер покойной и ничего не трогать до приезда полиции.

В этот момент в разговор вступил сержант Уэйнтри. Первым отреагировали патрульный полицейский – теперь уже отставник, живет в Аризоне – и водитель «скорой», который погиб в автокатастрофе несколько месяцев назад. Потом приехала небольшая группа криминалистов, они сняли тело, провели

первоначальную судебно-медицинскую оценку, взяли образцы, сделали фотографии – те, что переданы Колдмуну, – а потом передали тело коронеру. Коронера можно увидеть, он больше не практикует, но живет на побережье в городе под названием Бристоль.

– Вы служили в полиции в то время? – спросил Колдмун у Уэйнтри, когда тот открыл полицейскую папку.

Коп кивнул:

– Угу.

– Принимали участие в расследовании?

– Да там и расследовать-то было нечего. Но мы сделали все необходимое.

– Например? – спросил Пендергаст, глядя на папку, которую просматривал Колдмун.

– Никто не видел и не слышал ничего необычного. Мы допросили гостей из близлежащих номеров, персонал, дежуривший в тот день. И нескольких коллег покойной тоже допросили.

– А где записи допросов? – спросил Пендергаст.

– Допросы проводились неформально. Оснований для подозрений кого-либо в чем-либо не имелось. Тут есть резюме.

Пендергаст вытащил листочек бумаги с двумя написанными на нем предложениями:

– Вот такие?

– Да.

Пендергаст бросил листок назад в папку:

– Записи с видеокамер?

– Это ведь Мэн, агент Пендергаст, – сказал мистер Янг, словно это все объясняло.

– Не поступало каких-либо сообщений о приезжих в городе? О чем-нибудь, что могло показаться необычным, не на своем месте?

– Приезжие в городе в такое время года всегда есть, – ответил Уэйнтри. – Пока последний листик не опадет. Но никаких жалоб, драк, сообщений о происшествиях в ту неделю, когда она повесилась, не поступало.

– А место смерти? Какие-нибудь свидетельства необычного или подозрительного характера?

Хозяин и полицейский отрицательно покачали головой.

– И никакой посмертной записки? – спросил Колдмун.

– Никакой, – ответил Уэйнтри.

– А доклад coronera?

– Он в папке.

– Вы имеете в виду ксерокопию текста, напечатанного на машинке? – спросил Колдмун. – Тут даже рентгеновских снимков нет.

– Все как я вам вчера по телефону сказал, – ответил сержант. – По этому делу много чего не узнаешь. Мы могли бы выслать в Майами, не пришлось бы вам мерзнуть.

Колдмун и Пендергаст просмотрели короткий отчет coronera.

– «Обычные странгуляционные борозды, сопутствующие повешению, – прочел вслух Колдмун. – Смерть произошла вследствие удушения».

– Она повесилась на штанге для занавески, – сказал Пендергаст. – Судя по моему опыту, штанги для занавесок, особенно в отелях, не самые прочные опоры. Зачастую они висят на присосках.

– У нас не такие, – возразил Янг. – Наши крепятся с помощью скоб. По три шурупа на каждую. По самую шляпку. – Он гордо улыбнулся.

Пендергаст еще раз оглядел вестибюль:

– Ну что ж, пожалуй, нужно посмотреть, как выглядит комната.

Янг кивнул:

– Вам повезло. Тот номер мы нынче не ремонтируем.

Номер, где Элиза Бакстер покончила с собой, выглядел как бессчетное количество других номеров, в которых побывал Колдмун. Плотный ковер, по твердости не уступающий металлу, с рисунком, предназначенным для того, чтобы скрывать грязь. Два ряда тяжелых занавесок, чтобы утреннее солнце не разбудило любителей поспать. Одеяло, не стиранное, вероятно, с начала прошлого сезона. Колдмун читал где-то, что самая грязная вещь в номере мотеля – пульт дистанционного управления, иногда загрязненный кишечной палочкой или даже заразным, стойким к антибиотикам золотистым стафилококком. Он огляделся. Пульт лежал на столе рядом с рекламками местных достопримечательностей.

Ванная была маленькая, с фарфоровой ванной и желтой плиткой на полу. Штанга для занавески – как и сказал Янг, закрепленная с помощью скоб – висела на несколько дюймов ниже верхнего молдинга. Колдмун на глазок смерил расстояние от пола до слегка тронутого плесенью потолка: приблизительно стандартные восемь футов. Высота более чем достаточная, чтобы сделать то, что сделала эта женщина.

– Позвольте мне посмотреть фотографии? – попросил у него Пендергаст.

Колдмун снова открыл папку, и они вместе принялись разглядывать захватанные глянцевые отпечатки. По крайней мере, фотограф хорошо

выполнил свою работу, сделал снимки под правильными углами, а также со всех ракурсов. Элиза Бакстер повесилась на штанге с помощью завязанной узлом простыни. На женщине был махровый халат, распахнувшийся наверху и обнаживший грудь. Она выглядела гораздо менее привлекательной, чем на портрете в гостиной родителей: сухой высунутый язык, остановившийся взгляд, точечное кровоизлияние, расходящееся от шеи, словно перезревшая черника, – все признаки асфиксии, словно взятые из учебника по криминалистике.

Пендергаст указал на крупный план ног покойной. Несмотря на скопление крови в нижних конечностях, Колдмун увидел глянцевый блеск на ее ступнях и щиколотках, а также на верхнем крае ванны.

– Она намылила себе ноги, – сказал Янг.

– Чтобы не передумать? – спросил Колдмун.

– Такое встречается, – заметил Пендергаст.

Янг покачал головой.

Пендергаст оглядел ванную:

– Мистер Янг, плитка на полу не такая, как на фотографиях. И штанга под занавески, кажется, установлена недавно.

– Да, – ответил Янг. – Нам тут пришлось все заменить. И не только в ванной: тут новая кровать, обои, ковер – все девять ярдов. – Он помолчал. – Работники отелей – народ еще более суеверный, чем гости.

– Превосходно, – сказал Пендергаст, хотя его вид говорил о совсем ином. Он убрал глянцевые фотографии в папку. – Мы еще немного осмотримся тут, если не возражаете.

– Ничуть, – в один голос ответили Янги.

– И хочу спросить у вас, сержант Уэйнтри: сможем ли мы рассмотреть с вами отдельные аспекты случившегося здесь самоубийства в отделении, когда

закончим здесь?

Лицо копа стало еще более бесстрастным, если такое возможно.

– К сожалению, агент Пендергаст, это исключено.

– Почему?

– Понимаете... – Уэйнтри помедлил. – Шеф Пеллетье просил меня передать его извинения, но мы в настоящий момент чертовски заняты.

– Неужели?

– Да, сэр. Понимаете, у нас вспышка преступлений, связанных с опиоидами и передозировками. Мы загружены выше головы. Плюс рутинная работа, которую мы проводим, когда зима затягивается. Дело, которое вы получили, содержит все необходимое, и я единственный живой свидетель того самоубийства, все еще работающий в полиции. Смысла ехать в отделение нет никакого.

Лицо Пендергаста во время этой тирады стало непроницаемым. Когда Уэйнтри закончил, Пендергаст выдержал длительную паузу. Когда он уже готов был ответить, в разговор вступил Колдмун, действуя по какому-то внутреннему побуждению, не вполне понятному ему самому.

– Кстати говоря, – обратился он к Янгам, – какие номера вы оставили для нас?

Супруги переглянулись.

– О боже, – сказала Кэрол Янг. – Но у нас нет номеров. Мы закрыты.

– Нет номеров? А мне показалось, что вся гостиница пуста.

– Конечно пуста, – подтвердил ее муж. – Как и все заведения вокруг. Как только собиратели гербариев уходят, численность населения падает до нуля. Идеальное время для ремонта.

– Кажется, вы говорили, что эта часть отеля не ремонтируется.

– Этот номер не ремонтируются. Как я и сказал, его уже отремонтировали. Все остальные номера... – Янг беспомощно пожал плечами.

Колдмун переварил это известие.

– Вы можете порекомендовать что-нибудь в городе?

– Боюсь, что город заполнен. Все лыжники собрались вокруг «Большой скво». В это время года в часе езды от города вы ничего не найдете.

– Ни одного свободного номера в гостинице, – пробормотал Пендергаст, выходя из ванной.

– Есть «Скромная скумбрия», – вспомнил сержант Уэйнтри.

– Точно! – подхватил Янг. – Они круглый год сдают несколько номеров, верно? Никогда не мог понять почему.

– Они как раз по эту сторону озера Миллинокет, – сказал Уэйнтри. Он повернулся и двинулся к двери, но остановился. – А что касается обеда, советую вам заглянуть в магазин «Сейвмарт» на пути в мотель.

– И ни одного работающего ресторана? – спросил Колдмун.

Но Уэйнтри уже последовал за хозяевами в коридор и пропал из виду.

– Меня не удивляет, что здесь возникла проблема с опиоидами, – пробормотал Пендергаст.

Потом, энергично потеряв руки, он предпринял самое дотошное исследование номера, какое когда-либо видел Колдмун. С увеличительным стеклом он рассмотрел кромки ковра от одного конца ванны до другого, он разобрал телефон и радио, рассмотрел их содержимое, приложил крохотную расческу с тонкими зубчиками к установочным скобам для штанги в ванной. Время от времени в его руках, словно по волшебству, появлялись из бесчисленных

карманов куртки пластиковые пакеты; он подбирал что-то ювелирным пинцетом, клал в пластиковый пакет, засовывал его назад в карман и продолжал поиски.

Колдмун, наблюдавший за ним с растущим недоумением, наконец заговорил:

– Хозяин сказал, что комнату переделали. А Элиза Бакстер совершила здесь самоубийство одиннадцать лет назад. С тех пор здесь побывали сотни гостей.

Пока он говорил, Пендергаст извлек из кармана куртки небольшой мультитул и начал откручивать счетчик тепла у основания стены.

– Совершенно справедливо, – сказал он. – Тем не менее... – Он потрогал трубопровод, который только что высветил фонариком, снова достал пинцет и снял что-то прилипшее к зазубрине на металле. – Тем не менее Элиза Бакстер находилась в этом пространстве. И здесь она покончила с собой.

– А что именно вы ожидаете найти? Надеетесь, что она заговорит с вами из Ванаги Таканку?[17 - На языке индейцев лакота это означает «дорога призраков» – так лакота называют Млечный Путь.]

– Вполне вероятно. – Пендергаст встал и отряхнулся. – Агент Колдмун, вы наверняка заметили, что все полученные нами документы практически бесполезны. Без журнала, в котором зарегистрированы постояльцы, находившиеся в гостинице в вечер самоубийства, нам совершенно не от чего отталкиваться. Вот почему я пытаюсь собрать здесь все, что возможно, – если возможно. Вы, несомненно, предпочли бы занять свое время чем-то другим. Хотите, встретимся в вестибюле?

Колдмун пожал плечами:

– Договорились.

И вышел без дальнейших церемоний.

Колдмун давно привык к ожиданиям: в кабинетах Бюро по делам индейцев и в племенных судах, на плацу Куантико, в машинах без опознавательных знаков. Ему даже стало нравиться это. К тому же предыдущей ночью он почти не спал и

его донимала усталость. Увидев, что в вестибюле никого нет, он снял пленку с одного из диванов (несмотря на подготовку к ремонту, ни одного рабочего здесь не было), взял пару журналов со столика и принялся читать.

Немного погодя он проснулся. Настенные часы показывали без десяти три. Вестибюль оставался пустым, как и в то время, когда он сюда вернулся; ни следа Хораса или Кэрол Янг. Он замер и прислушался. В гостинице стояла мертвая тишина. Чем, черт побери, занят Пендергаст?

Колдмун положил журналы на стол, встал и пошел по устланному ковром коридору к номеру, где когда-то жила Элиза Бакстер. Дверь, которую он оставил открытой, оказалась заперта. Он подошел к ней, прислушался. Изнутри не доносилось ни звука.

Номера в гостинице открывались не магнитной картой, а старомодными ключами. Колдмун бесшумно присел и заглянул в пустую скважину.

Поначалу он ничего не увидел. Потом заметил Пендергаста. Тот лежал на кровати, по-прежнему в куртке, со сложенными на груди руками. Фотографии, принесенные сержантом Уэйнтри, были разложены вокруг него, словно подношения вокруг идола. В одной руке он что-то держал: золотую цепочку с медальоном, разглядеть который Колдмуну не удавалось.

Поначалу Колдмун решил, что у старшего агента инфаркт или удар. Но потом увидел, что грудь Пендергаста мерно вздымается и опускается. Должно быть, он спал, хотя и это казалось маловероятным – даже спящие не лежат так бездвижно.

Колдмун еще несколько секунд смотрел в скважину. Потом поднялся и пошел по коридору к вестибюлю.

Следуя за своими подругами Бет и Меган, Дженни Розен повернула с Седьмой улицы на Оушн-драйв. И остановилась. Перед ней неожиданно распростерся

уходящий вдаль бесконечный Вавилон. Встреча с бульваром напоминала впрыск огромной дозы адреналина прямо в центральную часть головного мозга: ошеломляющая, кажущаяся непроницаемой стена конкурирующих фоновых ритмов, облаков парфюмерных запахов, к которым примешивались ароматы жареной рыбы, автомобильных выхлопов и маринованного мяса по-кубински, иногда с дуновением марихуаны. И огни: лампочки-палочки в форме леденцов, обвивающие стволы всех пальм; аляповатые неоновые вывески в витринах татуировочных салонов и магазинов пляжных товаров; и хаос прожекторов, импульсных ламп, многоцветных лазеров, сияющих из всех палаток и с вывесок, растянувшихся на добрых десять кварталов, вращающихся и яростно соперничающих за ее внимание.

– Давайте же! – позвала Бет, перекрикивая голоса и смех толпы, текущей по тротуарам. – Это здесь.

Дженни и Меган последовали за Бет, которая прокладывала, а точнее сказать, пробивала себе путь через толпу. Окружающие их молодые люди, ровесники Дженни или на год-другой старше, курили электронные сигареты и кричали во весь голос, чтобы их услышали за какофонией звуков; половина из них были пьяны, другие накурились. Дженни уже успела походить по модным кварталам (Нижний Ист-Сайд, Мишен-Дистрикт, Венеция и Сильвер-Лейк в Лос-Анджелесе), но никогда раньше не встречала такого пестрого собрания хипстеров, панков, киберготов, беспредельщиков, серферов, лузеров, курильщиков травки, выпендрежников и бесчисленного числа других подвидов, смешавшихся в одну беспечную массу.

Дженни и Меган поспешили дальше – мимо кальянной, мимо узенького служебного проулка, потом ярко освещенного магазинчика, торгующего модными солнцезащитными очками, – стараясь не отстать от Бет. Как обычно, она взяла на себя роль ведущей, пытаясь все контролировать. Поскольку Бет жила в соседней Джорджии и провела в Майами «ну типа вечность» два года назад (хотя на самом деле всего одну ночь), она приняла вид клубного завсегдатая, взяла двух подружек под свое крыло и пообещала показать им ночь, которую они никогда не забудут.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дом, лавочка (исп.).

2

Английскую кличку Twinkle Toes можно перевести как Шустрые Ножки или Торопыжка.

3

Фамилия со смыслом: Brokenhearts означает «разбитые сердца».

4

На расстоянии (фр.).

5

Образ действия (лат.).

6

«Л. Л. Бин» – название сети супермаркетов.

7

«Артур Мюррей» – сеть танцевальных студий, названных именем американского танцора и бизнесмена.

8

Рукоплещите, комедия закончена! (лат.)

9

Дэвид Ливингстон (1813–1873) – шотландский врач и миссионер, исследователь Африки.

10

Я не могу спать (исп.)

11

Конгри – кубинская еда, рис с бобами; тамале – тесто из кукурузной муки, обернутое кукурузными (или банановыми) листьями, приготовленное на пару?.

12

Оглала – одно из семи лакотских племен. Тиоспайе – лакотское слово, в переводе означающее «большая семья» («extended family»).

13

Негодяй (исп.).

14

Найдите того, кто сделал это (исп.).

15

Мишленовский человек, или Бибендум – официальный символ и торговая марка производителя покрышек фирмы «Мишлен».

Здесь обыгрывается фамилия Колдмун, в переводе означающая «холодная луна».

На языке индейцев лакота это означает «дорога призраков» – так лакота называют Млечный Путь.

Купить: https://tellnovel.com/ru/preston_linkol-n/stihi-dlya-mertvecov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)